

К.А. ЗГУРОВСКИЙ

ЗАПУСК
«РЕНЕГАТА»

Жизнь и судьба (Горизонт)

Константин Згуровский

Записки «рenegата»

«ИП Каланов»

2019

Згуровский К. А.

Записки «рenegата» / К. А. Згуровский — «ИП Каланов»,
2019 — (Жизнь и судьба (Горизонт))

В книге представлены воспоминания Константина Александровича Згуровского, ученого, природоохранника, путешественника и гидронавта. Человека, жившего на переломе эпох, уехавшего еще школьником из Крыма на Дальний Восток, где он провел большую часть своей жизни, занимаясь наукой и охраной природы. Человека, который, путешествуя по всему свету, встречаясь с интересными людьми, преодолевая жизненные трудности, пытался достичь гармонии с окружающим миром. Книга легко и непринужденно описывает жизненный путь автора, где, и искрящийся юмор, и путевые заметки, и размышления о жизни и судьбе нашей хрупкой Планеты. Ее адресат – человек, интересующийся историей морских исследований, путешествиями на суше и на море, размышляющий о своем следе на Земле и будущем, которое нас ожидает.

© Згуровский К. А., 2019

© ИП Каланов, 2019

Содержание

К «Запискам “рenegата”» К.А. Згуровского	6
Введение к данному опусу	8
1	11
2	16
3	21
4	33
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Константин Александрович Згуровский

Записки «рenegата»

© К.А. Згуровский, текст, фото, 2020

© «Апельсин», дизайн, верстка, 2020

К «Запискам “рenegата”» К.А. Згуровского

Перед вами, дорогой читатель, лежат (или светятся на экране) «Записки...» моего коллеги и товарища, которые я рекомендую вам прочесть. Описание его судьбы часто служит лишь предлогом для увлекательного разговора на самые разные темы: от экологии до впечатлений от увиденного и прочитанного, они перемежаются размышлениями о смысле жизни, которые непринужденно перетекают в семейные истории, а иногда даже в анекдоты.

Познакомились мы с автором этих «Записок» достаточно давно – в конце 1990-х на Камчатке, где я работал в лаборатории донных рыб КамчатНИРО, а Константин как раз начинал свою карьеру в морской программе Всемирного фонда природы России (WWF). Он, так же как и я, закончил биофак Дальневосточного госуниверситета, нашу «альма матер», работал в Тихоокеанском НИИ рыбного хозяйства и океанографии (ТИНРО), ходил в рейсы на научно-исследовательских судах, погружался в глубины океана в подводном аппарате, защитил диссертацию... То есть у нас на жизненном пути оказались одинаковые вехи, которые нас и сблизили. И еще, от него всегда веяло «духом свободы», какого-то «инакомыслия», что сыграло немаловажную роль в наших взаимоотношениях.

У нас десятилетняя разница в возрасте, да и выросли в разных концах нашей страны: он – на теплом Кавказе и в Крыму, а я – на холодной и снежной Камчатке, но я с интересом читал о его детских годах. Видимо, потому, что эти годы прошлого века – время, когда наши родители были молоды, а на старых фотографиях того времени они такие счастливые... Мы оба учились у тех же учителей в стенах старого биофака Дальневосточного университета – напротив центрального парка Владивостока. Тогда «закрытый» порт Владивосток был тихим и уютным, это время сейчас именуется «эпохой застоя», а для нас это время было наполнено кипучей жизнью, потому что мы были молоды и по-своему амбициозны! Да и в период нашей с ним работы в ТИНРО институтская жизнь бурлила, а иногда и выплескивалась через край. О чем он пишет интересно, но, может быть, слишком кратко. А ведь это почти двадцать лет его жизни на «диком Дальнем Востоке»!

Ярко он пишет и о работе во Всемирном фонде охраны природы (WWF России). На первом плане – многочисленные его личные «impressions» (впечатления автора), «imagines» (его представления о происходящем), то есть сплошной «импрессионизм» и «имажинизм»! Константин всегда был умелым рассказчиком и из каждого путешествия привозил интересные истории со своими смешными комментариями, перемежая эти рассказы экскурсами в экологию, работу неправительственной природоохранной организации в России и за рубежом – сферу, о которой ходит множество мифов и баек. Константин по жизни романтик, поэтому часто в тексте встречаешь имена Грина, Стругацких, других писателей и поэтов, выдержки из их текстов. Поэтому простим ему достаточно подробное описание его приключений и многочисленных вояжей в страны, куда занесли его любимые им «Алые паруса»...

Можно его считать и моим «крёстным отцом» в WWF – на том отрезке моего жизненного пути, когда передо мной стала проблема, куда и как двигаться дальше, именно он, собравшись уходить с поста директора программы по устойчивому рыболовству WWF России, порекомендовал Фонду мою кандидатуру. Впоследствии, когда я уже познакомился с его «Записками...», увидел, что Константин, как и я, сам не раз стоял на распутье с извечным русским вопросом – «Что делать?». Но основная его жизненная позиция всегда остается той, с которой он, видимо, и пришел в этот мир. И хотя в отдельных вопросах мы расходились во мнениях, но всегда шли к одной цели – сохранению продуктивности морских экосистем и внедрению в практику принципов устойчивого рыболовства в России. Идя к этой цели, Константин, невзирая на личности и должности оппонентов, мог с любой трибуны и на любой площадке высказать свою позицию, то есть в этом отношении он законченный «рenegат» с обратным полярным знаком!

В 2019 году он сильно заболел, сначала об этом мало кому говорил, тяжело и мучительно лечился... Но, боец по натуре, он не сдался, и, похоже, болезнь победил. Может быть, боязнь того, что он уйдет, и воспоминания уйдут вместе с ним, подвигла его на завершение своих воспоминаний. И его история не ограничивается только «Историей болезни», как написал любимый нами обоими Владимир Высоцкий:

*«Лежу на сгубе бытия,
На полдороге к бездне,
И вся история моя —
История болезни...»*

Это не о нем, почитайте – не пожалее! Надеюсь, что на этом этапе его «гаревая дорожка» не заканчивается, и по ней он будет бежать еще достаточно долго.

Андрей Винников, младший товарищ «рenegата» К.А. Згуровского, директор компании «Морская сертификация», к.б.н., с 1981 по 2015 г. участвовал в 25 научно-исследовательских экспедициях в северо-западной части Тихого океана. Самостоятельно и в соавторстве опубликовал около 130 научных работ. С 2016 по 2019 г. работал директором природоохранной программы по устойчивому морскому рыболовству во Всемирном фонде природы (WWF) России.

Москва, 04.11.2019

Введение к данному опусу

Перед вами заметки, которые я делал в течение жизни, включая впечатления от своих путешествий по миру, встреч с интересными людьми, – то, что «задержалось» в моей памяти. Начав свою трудовую деятельность в 17 лет после окончания средней школы маршрутным рабочим геологической партии, я успел поучиться в университете, поработать санитаром в психиатрическом отделении, научным сотрудником в рыбохозяйственном НИИ, консультантом и заместителем директора частных предприятий, координатором и затем директором программы крупнейшей международной природоохранной организации в России. Эти довольно-таки субъективные воспоминания не претендуют на многое, но размещение первого их варианта на сайте «Проза. ру» вызвало интерес – более двух тысяч читателей ознакомились с рукописью. Пошли живые отклики, особенно от людей, которых я встречал на своем жизненном пути, а также от тех, кто вел или продолжает вести «сходный» образ жизни.

В связи с этим я решил обновить эти заметки, добавив события последних лет, стараясь учесть некоторые замечания уважаемых мной таких замечательных «человеков», как д.б.н. Вячеслав Петрович Шунтов, Валентин Валентинович Дерябин – бывший капитан подводного аппарата «Север-2», профессор Вячеслав Константинович Зиланов, бывший замминистра рыбного хозяйства СССР, д.б.н. Василий Альбертович Спиридонов, к.б.н. Андрей Владимирович Винников, который любезно согласился описать свои впечатления в виде введения к этой книге. А также моей мамы, Лидии Николаевны Згуровской, которая сама опубликовала уже более десятка книг, в основном о природе Крыма и «братьях наших меньших». В целом все они высказались положительно, внося свои замечания, которые я постарался учесть, и очень им благодарен за это! Правда, кое-кто из них предлагал убрать некоторые мои откровения, показавшиеся им неуместными. Кроме того, я полагаю, что кто-то из наткнувшихся на мои заметки, видимо, имеет совершенно противоположное мнение о событиях и некоторых упомянутых мною людях, в том числе и о самом авторе. Повторяю – заметки субъективные, не претендующие на «истину в последней инстанции». Я не старался «раздать всем сестрам по серьгам», поэтому я не всегда обозначал имена моих героев, стараясь никого не обидеть. Хотя некоторые из моих коллег и просили выдать «подробности», «имена», «явки» и «пароли». В конце концов, решив, что автор имеет право на принятие самостоятельных решений, я взял на себя смелость прислушаться не ко всем этим рекомендациям. Кроме того, хочу предупредить – этот текст – скорее «лоскутное одеяло», «patchwork» из моих воспоминаний, где не всегда соблюдается последовательность событий, где-то мне приходилось забегать вперед, где-то – возвращаться назад, исходя из внутренней логики изложения.

Именно сожаления о том, что многие люди XX века, которые могли бы многое поведать «terra et orbis» («стране и миру»), уходят, не оставив своих заметок, заставили меня «взяться за перо». К счастью, некоторые интересные люди, с которыми я встречался, оставили свои воспоминания. Поэтому тем, кто интересуется судьбой Океана, академическими и рыбохозяйственными исследованиями, в том числе и подводными, непростыми судьбами связанных с морем людей, природой Дальнего Востока, я настоятельно рекомендую (помимо любимых и известных авторов типа В.В. Конецкого, В.К. Арсеньева, О.М. Куваева, Г.А. Федосеева и др.) поискать книги таких авторов, как:

– Вячеслав Петрович Шунтов, автор нашумевших в свое время воспоминаний «*Зигзаги рыбохозяйственной науки*», опубликованных еще в 1994 году (говорят, есть обновленная версия, но я ее еще не видел);

– Сергей Иванович Вахрин, писатель и журналист, автор книг «Покорители Великого океана» (1993), «Встречь солнцу» (1996), «Потомки остроклювого бога (Камчадалы)» (1997);

– Михаил Игоревич Гирс, капитан подводного аппарата (ПА), потомственный моряк, дедушка которого упомянут в романе «Цусима» Н.С. Новикова-Прибоя, автор книги «ТИНРО 2 в океане» (1977);

– Валерий Васильевич Федоров, геолог и гидронавт, опубликовавший ряд книг о подводных исследованиях. Книга «Гидронавты в глубинах океана» опубликована в 1991 году. Последняя его книга вышла в 2016 году под названием «Погружение разрешаю»;

– Валентин Валентинович Дерябин, упоминавшийся выше, опубликовавший на сайте «Проза.ру» более пятидесяти произведений о своих экспедициях, которые прочитали более 50 тыс. человек.

– Сергей Леонидович Пасенюк, художник, путешественник, писатель и сын писателя, опубликовавший «Соло через Берингово море: Дневник похода» в 2003 году,

– Анита Алексеевна Нейман, д.б.н., много лет проработавшая во ВНИРО, в 2016 году опубликовала «Мои воспоминания», полные неизвестных фактов и описаний своей уникальной жизни и путешествий;

– Николай Николаевич Герасимов, издавший в 2018 году книгу о природе и жизни людей на острове Карагинский.

Это – «люди – эпохи», к счастью, многие из них до сих пор живы. Хочется также упомянуть безвременно погибшую мою коллегу по WWF Лору Уильямс, которая в 2008 году издала книгу «The Storks' Nest: Life and Love in the Russian Countryside» (Гнездо аистов: Жизнь и любовь в русской деревне).

Только что вышла книжка моего дальневосточного коллеги – Василия Солкина «Последний Робин Гуд». Это сборник захватывающих повестей, рассказов и тостов, таких как «Леопарды, с которыми лично знаком», «Год дикой лошади», «Год верного пса», «Тьмутараканские хроники» и другие. Мне говорили, что готовят к публикации свои воспоминания бывшие директора Тихоокеанского рыбного хозяйства и океанографии (ТИНРО) Лев Николаевич Бочаров и Валерий Николаевич Акулин. Будет интересно почитать! Если я кого-то не упомянул, простите великодушно!

Хочется надеяться, что некоторые мои коллеги пойдут по этим стопам, – например, Михаил Сергеевич Стишов опубликует уже написанные им воспоминания о проведенных им двадцати годах на острове Врангеля, а «Герой Планеты» за сохранение амурского тигра и дальневосточного леопарда Павел Васильевич Фоменко поделится своими уникальными впечатлениями о его взаимоотношениях с этими дикими кошками. Или Денис Смирнов, не дававший спать «черным лесорубам» на Дальнем Востоке так, что они отвинчивали гайки на колесах его джипа, продолжавший позже делать то же самое во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже, напишет о своих приключениях.

Надеюсь также, что читатели не сочтут мои заметки графоманской чепухой, вызванной желанием стать «широко известным в узких кругах» или «перемемуарить» кого-то из коллег (по меткому выражению Виктора Федоровича Бугаева – ученого, поэта и писателя с Камчатки, тоже выпустившего две книги мемуаров: «Мир реки» (2000). и «Лучшие годы нашей жизни» (2009).

Итак – перед вами следующая версия моих воспоминаний. . . Если вы, дорогой читатель, держите в руках бумажную версию этой книжки и любите листать страницы, вдыхая запах бумаги, то вам повезло. Следуя последним веяниям, я напечатал довольно ограниченное количество бумажных копий, заботясь о снижении своего экологического следа («фут-принта», о котором Вы узнаете, если продолжите чтение дальше этого предисловия). Для тех из вас, кто предпочитает «электронное чтение», планирую издать этот «опус» в электронном виде, а может быть, даже подготовить и аудио версию, если почувствую, что он вызвал неподдельный интерес у читателей. И еще – для иллюстраций я выбрал в основном старые фото, из своего архива, они мне показались более интересными.

Ну и, наконец – почему именно «Записки “рenegата”»? Дело в том, что бурная жизнь прошлого века заставляла многих, в том числе и меня, совершать «зигзаги», иногда даже «мертвые петли», уходя и возвращаясь, кое в чем изменяя себе, профессии и т. п. Но, как мне кажется, – в основном я все же остался тем же, кем был. Но это вам решать, уважаемый мой читатель!

1

Юные годы: Судьба играет человеком...

Я родился в солнечном и чистеньком курортном городе Кисловодске, на северном Кавказе, недалеко от печально известной теперь на весь мир Чечни в декабре 1952 года, примерно за год до смерти Иосифа Сталина (подумать только!). Нас с братом было двое, что называется «недоносков», семимесячных. Он умер, а я выжил, хотя весил при рождении всего полтора килограмма. До 7 лет (пока мама училась в московской аспирантуре) я жил у бабушки в Кисловодске, где лечились и отдыхали многие партийные и государственные деятели нашей бывшей советской империи – СССР, включая Леонида Ильича Брежнева – отца «застоя», а также архитектора первой неудавшейся «перестройки» Алексея Николаевича Косыгина. Последнего я, с замиранием сердца, наблюдал однажды в местном театре. Алексей Николаевич Косыгин внушал невольное уважение, он совсем не походил на многие «суконные рыла» из Политбюро. Я, даже будучи мальчишкой, видел это – когда он вошел в театр, все встали и искренне и долго аплодировали (хотя в свое время так же долго и искренне аплодировали и «Отцу всех народов»). Тогда я, как и многие, будучи примерным пионером, еще верил, что наша страна – самая лучшая в мире, а мы, живущие в ней – самые свободные и счастливые люди на свете (фото 1 и 2)!

Позже я стал задаваться вопросами, которые тогда не принято было задавать. Например, когда мы читали в классе текст о примерном пионере, которого спросили, почему он предотвратил железнодорожную катастрофу, остановив поезд, помахав красным галстуком, он ответил гордо: *«Потому что я – пионер!»*... Я спросил: *«Это потому, что у “не-пионера” не было бы чем махать, привлекая внимание машиниста – так как у него не было галстука?»*, чем и заслужил «нахлобучку» – меня впервые назвали ренегатом (тогда я имел довольно смутное представление о том, кто это такой). Что касается пионерии и комсомолии, там было много формального, фальшивого, хотя в целом, наверное, объединение молодежи вокруг идеи справедливости, равенства и братства – это хорошо. Именно фальшь и послужила причиной моего юного сарказма, а учителя часто готовы были тебя наказать, за то, что ты думаешь не так, как все, или, по крайней мере, не помалкиваешь в углу со своим мнением.

В этот город съезжались не только вожди, приезжали лечиться «герои труда», шахтеры Донбасса, оленеводы Чукотки, швеи из Орехово-Зуево. Все пили нарзан, который бесплатно разливали из кранов в Нарзанной галерее, замечательные вина Кубани, гуляли по мостику «Дамский каприз» над рекой Ольховка, в стремительных и чистых водах которой я купал своего любимого плюшевого медведя. Отдыхающие более состоятельные, чем «герои труда», а тогда уже были и такие, ездили обедать в «Замок коварства и любви», многие крутили короткие санаторные романы. Дом наш был старый, интернациональный, где люди разных национальностей уживались мирно, воспитывая детей «всем двором», вместе праздную за одним столом дни рождения друг друга, выводя нестройным хором «*Стаканчики граненые*», «*Ой да не вечер*¹» или даже «*Шумел камыш*». Это, например, интеллигентный и удивительно добрый Мустафа Гусейнович – врач-азербайджанец, в глубине души твердо веривший, что армяне – «ошибка природы», и Борис Авдеевич, врач-армянин лет пятидесяти (он мне тогда казался ужасно старым), с козлиной бородкой, который относился к этому факту с замечательным чувством юмора. Мне запомнилось, как он со своей пожилой мамой разыграл мою бабушку. Борис Авдеевич был холост, и его заботливая армянская мама очень хотела его женить. И таскала

¹ С этой песней я имел большой успех в аргентинском городе Мар-дель-Плата, где мои коллеги из разных стран исполняли свои народные песни.

мою бабушку на смотрины. В один из дней она прибежала запыхавшись и позвала бабушку на очередные «смотрины». Бабушка вырядилась, как на парад, надевши свое лучшее платье, и пришла к ним – будто бы попить чаю с малиновым вареньем. Сидят они так с мамой Б.А., слышат, как в соседней комнате «воркует» Б.А.: *«Ну давайте поьем чаю, это же так интересно, пить чай с малиновым вареньем! Ну не хотите чаю, давайте посмотрим наши семейные фотографии? Смотрите, смотрите, ну что же вы не смотрите?»*. Постепенно голос его становился все резче, приобретая стальные нотки – и вот он уже кричит на свою суженую: *«Смотри, я тебе говорю!»* Бабушка сидит ни жива ни мертва и пытается придумать причину – как бы быстрее «смыться», чтобы избежать участия в скандале! И тут появляется сияющий Б.А., который все это разыграл «как по нотам» вместе со своей веселой маменькой – в соседней комнате никого, кроме него, не было! Правда, и сама моя бабушка тоже была юмористкой – когда кто-нибудь из ее друзей ругал себя вслух за какой-то проступок или ошибку, называя себя всякими словами (согласитесь – так часто бывает, типа: *«Ах я дурак!»*), она обычно саркастично замечала: *«Не буди спорить, чтобы вас не обидеть!»*...

Уже тогда я заметил, что мои земляки-кавказцы часто стараются выделиться чем-то из общей массы. Мы с соседями – мальчишками-чеченцами вместе бегали смотреть на огромную розовую, с крыльями на багажнике гигантскую американскую машину, купленную семьей грузин, живущих неподалеку, – предмет семейной гордости, Чеченцы постепенно возвращались из мест, куда их перед войной выселил Сталин, всех поголовно, в один день². Думаю, некоторые из них или их дети участвовали потом в кровопролитной войне в Чечне.

Бабушка, когда ходила на базар за индейкой для любимого внука, с азартом, подолгу торговалась с мрачными, все в черном, карачаевскими женщинами, называя их почему-то «мадамочками», на что те совсем не обижались. Зато обижались, когда что-нибудь покупалось без торга. Так называемая «межнациональная рознь» проявлялась только тогда, когда молодежь собиралась на открытой танцплощадке «Роз», обсаженной тысячами великолепных цветов, где вспыхивали драки «стенка на стенку». Или когда мы «по дурости» забредали на окраины, где русских практически не было. Можно было наблюдать, например, мальчишку-чеченца или кабардинца на глиняном заборе, что-то гортанно кричавшего нам вслед. Я попросил друзей объяснить – чего он кричит, они сообщили: *«Он требует, чтобы мы убрались, а не то «его пять братьев выйдут и нас зарезают!»*. В свою очередь, имея родню в казацких станицах по бабушкиной линии, я знал, что если бы там попался кто-нибудь из «лиц кавказской национальности»³, им тоже не поздоровилось бы!

Еще мальчишкой, и потом, в зрелом возрасте, я часто вглядывался в лица моих предков на дореволюционных картонных фотографиях, часть которых была «за белых», а часть – «за красных». Мой прадед, например, по бабушкиной линии даже был поименован в книге *«Под знаменем революции»*, где он был сфотографирован с надписью *«Ковалев в кандалах»* (бабушкина девичья фамилия была Ковалева, а у меня – фамилия моего родного деда – польского эмигранта). Удивительные были лица, совсем другие люди... Дед мой родной, Николай Згуровский (фото 3), умер рано, а бабушка моя в юности была просто красавица, выходила замуж еще два раза (фото 4). И последний раз вышла замуж за инвалида войны, деда Василия, который часто мне рассказывал о прошедшей войне с фашизмом. Больше всего запомнилось, как они зимой ехали по трупам удивительно красивых солдат – итальянцев, которых Гитлер с Муссолини загнали воевать в морозную Россию. Дед Василий, хотя и был коммунистом, говорил удивительные для того времени вещи, – о том, что до революции многие люди жили хорошо и частная собственность на землю не такая уж плохая штука...

² О чем замечательно написал А. Приставкин в повести «Ночевала тучка золотая».

³ Как модно стало теперь говорить в пост-ельцинской России.

Мама моя тоже воевала на Кавказе, но она не любила рассказывать о войне, как и многие другие фронтовики. Добавив себе один год к настоящему возрасту, она отслужила три года в армии, командуя спаренным пулеметом, сбивая немецкие самолеты. Лишь пару раз удалось ее «расколоть» – она рассказала, как комсомольские работники призывали молодежь на митинге идти добровольцами на фронт. И она, вдохновленная пламенными речами, утром пришла на призывной пункт, но с удивлением увидела, что те, кто эти речи произносил, вовсе не собираются на передовую! Второй раз она рассказала (но не мне, мне потом пересказали эту историю), как у нее в части расстреляли молодую женщину, которая бегала в самоволку к своему младенцу в соседнюю деревню. И как их командир, когда у него оторвало руку снарядом и отбросило за колючую проволоку, полез ее доставать. Мама была ранена, получив несколько боевых наград (фото 5 и 6), демобилизовалась и поступила в институт, а потом в аспирантуру в Москве. Я за ней последовал гораздо позже, после 7 лет жизни с бабушкой в Кисловодске, где меня баловали и все разрешали. Позднее, когда я жил с мамой, – я понял, что так бывает далеко не всегда.

После смерти «Вождя всех народов» в 1953 г. постепенно наступала «оттепель», длившаяся почти десять лет, и даже разрешалась такая «буржуазная забава», как игра на скачках. И когда я приезжал к бабушке, мы с приятелем, греком по национальности с красивой фамилией Георги, ездили в соседний Пятигорск на электричке на скачки. И ставили свои сэкономленные несколько рублей на кавказских скакунов или гордых с лебедиными шеями туркменских ахалтекинцев. Проигрывали мы всегда – зная это, с несвойственной для такого юного возраста предусмотрительностью покупали билет «туда и обратно». Только однажды нам удалось выиграть. И помог нам в этом местный завсегдатай, который, увидев, что мы проигрываемся «дотла», взял программку скачек и посоветовал нам поставить на лошадь по имени «Липа». Мы похихикали, но послушались – и... «Липа» пришла первой! Потом он дал нам еще один совет – и мы снова выиграли! Он сказал: «*С вас, пожалуй, хватит*» и заставил уйти со скачек, чтобы мы не «просадили» то, что выиграли.

Кстати, об И. Сталине – считаю этого человека исчадием ада, виновным в гибели сотен тысяч, если не миллионов людей. И в том, что он «прокакал» начало войны, подписал соглашение с Гитлером, обезглавил армию перед войной, лично подписал расстрельные списки из 45 тысяч человек (желающие могут легко найти копии этих документов в интернете). Он и его подручные уничтожали не только простых людей, но своих товарищей по партии, военных специалистов, включая маршалов, командармов (например, В.К. Блюхера, Г.И. Кулика, М.Н. Тухачевского и др.) и даже чекистов. Попадали под «раздачу» и ведущие ученые страны. При Сталине было репрессировано 103 действительных члена, почётных члена и члена-корреспондента АН СССР. 44 члена и члена-корреспондента АН СССР погибли: 23 расстреляны, 13 погибли в заключении, 8 – в ссылке. Некоторые пропали без вести в лагерях. Расстреляли изобретателя «Катюши» – Г. Лангемака, гнобили генетиков (см. стенограмму сессии ВАСХНИЛ 1948 года), а кибернетика была признана лженаукой. При этом продвигались такие псевдоученые, как Т. Лысенко или И. Презент, которые, как многие им подобные, умело пользовались «близостью к телу вождя»⁴. За одного погибшего в застенках Николая Ивановича Вавилова, внесшего огромный вклад в биологические науки, спасшего от голодной смерти – благодаря своей селекционной работе, наверное, тысячи, а может быть, сотни тысяч людей, заложившего основы современного растениеводства, я бы «отца народов» вздернул на рее! Вот что писали деятели из ОГПУ о нем Сталину: организация, возглавляемая Вавиловым, «*настойчиво ведет линию на фактическое сокращение посевов зерновых культур и уменьшение кормовых ресурсов с целью вызвать голод в стране. Кроме того, Вавилов организует борьбу против хлопководства, против хлебоэкспорта, срывает борьбу с засухой, предлагает заведомо неправильное*

⁴ Рекомендую ознакомиться со стенограммой сессии ВАСХА.

районирование сельского хозяйства, разваливает семеноводство, направляя усилия организации на подчинение советского семеноводства иностранной зависимости⁵».

А победили фашизм такие люди, как моя мама. А если даже и принять точку зрения о том, что он победил фашизм – то какой ценой, завалив Европу трупами наших солдат и офицеров? Может быть, не было бы его, не было бы и войны – кто теперь это знает? Из моих ближайших родственников только судьба родного деда окутана туманом, возможно, он был репрессирован – о нем семье не распространялись, но вокруг было полно народу, у кого так или иначе кто-то пострадал. Но тогда старались об этом не говорить. Это сейчас всплыли тысячи документов о массовых репрессиях, высылках и расстрелах. В 70-е для меня в университете было откровением узнать от своего однокашника – Виктора Валла, немца из Магадана, историю его отца. Виктор был типичным «арийцем» – голубоглазым блондином (или – белобрысым, как вам больше нравится?), высоким, широкоплечим и худощавым. Он как-то упомянул своего отца, убежденного коммуниста, и сказал, что он инвалид: у него поломаны все руки и ноги. Я подумал, ну, наверное, немецкого коммуниста пытали в гестапо? Но Виктор, немного замямвшись, сказал, что пострадал отец в застенках НКВД, где ему ломали конечности косяком двери, выбивая из него признательные показания в шпионаже. При этом он воспитал Виктора в лучших советских традициях: тот стал нестигаемым пламенным комсомольцем, наивным и честным! И таких историй и документов существует немыслимое количество – было бы желание с ними ознакомиться... Особенно полезно почитать писателей того времени – фронтовика В.П. Астафьева, А.И. Приставкина и Б.Л. Васильева, В.С. Гроссмана, сидельцев сталинских лагерей, ярким представителем которых является Варлам Шаламов (А.И. Солженицина и так все знают, но отношение к его произведениям неоднозначное), ну и, конечно, фильмография по произведениям этих писателей, кто предпочитает смотреть, а не читать. Для них же (кто еще не смотрел) – «Покаяние» Тенгиза Абуладзе, фильм, недопонятый в свое время, вызвавший массу споров, но вечный, на мой взгляд.

В Москве мы прожили недолго, я только помню двухэтажные автобусы и троллейбусы и как мне понравилась станция метро «Маяковская» – до сих пор считаю ее самой красивой. Помню, как шли по ней с мамой, и я увидел на полу десять рублей – большие деньги по тем временам! Но мама так торопилась, что не обратила никакого внимания на мои слова про *«красную бумажку с Лениным»*. Потом мы пожили в селе Перхушково под Москвой, которое мне запомнилось стычками с местными ребятишками из-за лягушек, которых они привязывали за лапки на веревку, крутили вокруг себя или били палками по голове. Они никак не могли понять – а чего это я так переживаю из-за смерти каких-то лягушек! Но не успели мы как следует там обжиться, как наш тогдашний премьер Никита Хрущев решил «разбросать» московские институты по всей стране по принципу *«Институт леса должен быть в лесу»*. И мамин институт знаменитого академика В.Н. Сукачева⁶ переехал в Сибирь, в город Красноярск, где мы пережили и многочасовое стояние в очередях за хлебом, и развенчание «кукурузника» – Н. С. Хрущева. Помните куплеты: *«А в октябре его – маненечко того, и тут-то мы узнали всю правду про него!..»*, кто не читал – поищите, очень рекомендую, там не только о Никите Сергеевиче.

Там пошел в школу, которая была через дорогу от нашего дома на проспекте Мира. В квартире так называемую радиоточку – приемник на стенке вечером не всегда выключали, и в семь утра под звуки гимна *«Союз нерушимый республик свободных...»* я просыпался от звуков фанфар – почему-то в ужасе! Второй сон-кошмар, который помню из детства – на меня катятся огромные шары, от которых никуда не скрыться, и я попадаю внутрь одного из них. Позже я вспоминал этот кошмар, прочитав строчки:

⁵ https://ru.wikipedia.org/wiki/Дело_Николая_Вавилова

⁶ Автора подзабытого термина «биогеоценоз», который близок, но не является синонимом термина «экосистема».

*«О, ужас!
Мы шарам катящимся подобны, крутящимся волчкам»...⁷*

Когда мне было года четыре, я сочинил свое первое, и, видимо, последнее стихотворение, которое, с определенной натяжкой, можно назвать аналогом «хайку» или «хокку»:

*«Одуванчик молодой
Стал с седою головой».*

Читал я много, бессистемно, благо книг у нас всегда было очень много. Однако все, что учили в школе по литературе, как-то не откладывалось или запечатлевалось с отрицательным знаком. Помню, как меня поразил в учебнике литературы отрывок из романа очень популярного у партаппаратчиков автора Василия Ажаева с символическим названием *«Далеко от Москвы»*. Этот отрывок потряс меня описанием «войны с тайгой», когда «герои первых пятилеток на пышущих жаром тракторах крушат вековую тайгу», задавив попутно медведя в берлоге – типа: *«Не попадайся под горячую руку, когда мы пятилетний план перевыполняем!»*. В это время руководящего этим порывом партийца робко просят представители «малочисленных таежных народов: *«Начальник, оставь маленько тайги»⁸*, на что тот небрежно отмахивается: *«Не переживай, маленько оставим»*... После этого я все больше стал задумываться – а куда мы бежим, *«задрав штаны»*, по меткому выражению Маяковского, покоряя природу, круша все на своем пути, роя каналы, намереваясь поворачивать реки? У нас в школе висел портрет И.В. Мичурина с его высказыванием: *«Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее – наша задача!»*. А может, и не говорил ничего такого дедушка Мичурин, и это очередной миф советской эпохи (потом эти слова переиначили: *«Мы не можем ждать милостей от природы – после того, что мы с ней сделали!»*). И хотя тогда, по-моему, ни у кого еще не было и мысли о создании такой должности, как «природоохранный прокурор», я решил, что непременно стану именно им, когда вырасту, – буду бороться за сохранение природы... Прокурором, правда, я не стал, ну может это и к лучшему.

От сибирской природы у меня остались воспоминания о путешествии на пароходе по великой реке Енисей и о мохнатых фиолетовых первоцветах весной на его берегу, поездке поездом мимо не менее величавого озера Байкал. Вспоминается гибель соседнего мальчика, утонувшего в вырытом строительном котловане, где мы бесшабашно катались на плотах, сколоченных из досок. Вообще-то я был тихий мечтательный очкарик, довольно болезненный. Уроки физкультуры для меня были пыткой – прыжки через коня, лазание по канату, прыжки в высоту, бросание гранаты казались мне бессмысленными занятиями, отвлекающими меня от любимых книжек. Учился я, перескакивая с пятерок на тройки, время от времени получая даже двойки и единицы, и иногда мне за это доставалось. Помню, принес в дневнике пятерку по пению, четверку по литературе, тройку по письму и единицу по математике. Мама, бегая за мной с ремнем, кричала, буквально как в известном анекдоте: *«А-а-а-а... Ты еще и поешь!»*. Я сбежал из дому, и меня нашли поздней ночью коллеги мамы в соседнем дворе. Мама, перепуганная моим исчезновением, долго меня отогревала, отпаивала чаем с малиной. Поскольку у меня стали часто болеть легкие, врачи рекомендовали увезти меня из задымленного, холодного Красноярска куда-нибудь поближе к теплу и морю, и мы, недолго думая, собрались и «полетели на юг», в Крым...

⁷ Бодлер, «Цветы зла», цитата по памяти

⁸ Цитирую по памяти.

2

Отрочество в Киммерии⁹

Как оказалось, нас туда вызвал мой отец, который был в то время директором маленькой Карадагской биостанции на берегу потухшего одноименного вулкана Карадаг. Его я просто не знал, поскольку он был женат на другой женщине. Тайну моего рождения мне никто не раскрывал до зрелого возраста – мама всегда говорила, что отец мой умер. Не знаю, что он ощущал почти каждый день, встречая своего «незаконнорожденного отпрыска». Но я не чувствовал никакого «зова крови», даже когда он меня, окровавленного, вытаскивал из оврага, увидев, как я туда влетел на велосипеде. Это произошло в первый же день моего пребывания на благословенной крымской земле. Я благодарен бабушке и маме за то, что они вырастили, воспитали меня в эти трудные годы. Моя мама, растившая меня без мужа, была строга, но справедлива, а бабушка, любившая меня без памяти, продолжала баловать, как многие бабушки, когда я возвращался к ней в Кисловодск на каникулы.

Это были, наверное, лучшие годы моей жизни, как я сейчас понимаю... Крымская земля была воспета многими: гигантские каменные «Золотые ворота», стоящие в воде, видимо, произвели неизгладимое впечатление на А.С. Пушкина – они были нарисованы на полях черновиков «Евгения Онегина». Наверное, после этого он написал чеканные строки: «*Прощай же, море, не забуду твоей торжественной красы и долго, долго слышать буду твой шум в вечерние часы...*»¹⁰... Максимилиан Волошин был очарован «Киммерией», позже описанной другими знаменитостями, отдохавшими в Коктебеле, включая К.Г. Паустовского. Да и многие фильмы, снятые здесь, часто напоминают об этих местах: вздыбленные скалы потухшего вулкана, похожие то на людей, то на башни замков, то на животных, омываемые синей водой бухт – места просто сказочные. Здесь была снята часть фильма «Человек-амфибия» со знаменитым тогда Н.К. Симоновым (замечательно в свое время сыгравшим Петра Первого) и только начавшими свою карьеру обалденно красивыми Анастасией Вертинской и родившимся в Севастополе Владимиром Корневым. Нужно также упомянуть совершенно незаслуженно забытый фильм «Преждевременный человек», снятый в этих местах, с той же замечательной Анастасией Вертинской и молодыми Александром Калягиным и Игорем Квашой, но уже без красавца В. Корнева. Мальчишками мы ныряли у подножья Карадага с крутых скал за раковинами моллюсков – рапан, случайно завезенных много лет назад в балластных водах транспортных судов с Дальнего Востока, заплывали в гроты. Иногда даже играли с дельфинами в дельфинарии Карадагской биостанции, где заведующей лабораторией фотосинтеза работала моя мама. Я тогда довольно легкомысленно относился к этому фундаментальному понятию, которое, по сути, является основой жизни¹¹. Мне казалось, что биологи должны изучать что-то красивое, крупное, что-то типа тигров или китов. Поэтому я с восхищением смотрел на молодых ученых, которые работали с дельфинами, хотя я уже знал, и мне это не нравилось, что многие опыты были заказаны военным ведомством СССР. Там я встретил известного специалиста по китам – Авенира Григорьевича Томилина, щуплого человека, совсем не похожего на героев моей мечты, такой же комплекции, как первопроходец подводного царства Жак-Ив Кусто. Мы зачитывались книгами Кусто, позже смотрели уникальные подводные съемки, а некоторые сотрудники ИнБЮМа даже с ним встречались, когда работали в Средиземноморье... Именно его книги и фильмы толкнули меня и многих моих товарищей в морские экспедиции, «в глубины

⁹ М. Волошин Киммерией называл восточную область Крыма от древнего Сурожа (Судака) до Босфора Киммерийского (Керченского пролива), в отличие от Тавриды, западной его части (южного берега и Херсонеса Таврического).

¹⁰ Цитируется по памяти.

¹¹ Ведь хлорофилл растений является посредником между солнцем и жизнью, как писал великий кибернетик Н. Винер.

Океана» с аквалангом и в подводных аппаратах – но об этом позже. А пока я зачитывался рассказами о животных Эрнеста Сетона-Томпсона и Виталия Бианки, приключенческими рассказами Р. Л. Стивенсона, Фенимора Купера и Джека Лондона...

Помню также рыбацкие лодки-фелюги, привозившие на берег улов кефали, ставриды и барабули (кстати, море после этого существенно обеднело, хотя заповедный режим на Карадаге усилился, и лов был прекращен). Карадаг был популярен не только среди биологов и так называемой «творческой интеллигенции» (как будто наука – это не творчество?), но и среди ученых других специальностей. Наиболее мне запомнились встречи с химиком – самым молодым академиком АН СССР Николаем Марковичем Эмануэлем. Он был открытым, веселым человеком, позволяющим себе многие вещи, на которые окружающие смотрели с удивлением и опаской. Так, в 1968 году, когда все, затаив дыхание, прислушивались к сообщениям Би-Би-Си и Голоса Америки о нападении или, как тогда называли в СССР, «дружеской помощи» Чехословакии, он, бросая мелкие камушки на пляже в свою обворожительную спутницу, громко и гласно провозглашал: «Я тебе помогаю, как мы помогаем Чехословакии». И люди опасливо от него отодвигались – крамольные мысли все еще произносить было опасно... Уже много позже я сам давал интервью прославленному каналу – Би-Би-Си по поводу нашей борьбы против строительства терминала на юге Приморского края, и меня тогда даже не вызвали в «органы» – вот до чего тогда дошла демократия (хотя угрозы были, но об этом позже)!

С одноклассниками и ребятами моего возраста я дружил, но наиболее интересно мне было с приезжавшими на практику на биостанцию студентами из Москвы и Одессы и так называемыми «мэ-нэ-эсами»¹², распределившимися для работы на этой станции. Они заложили очень многое в мою юную душу и голову, в частности я им благодарен за то, что они мне, растущему без отца, вложили очень многие мужские качества, дали послушать раннего Высоцкого, Галича, рекомендовали интересные книги, отвечали на многие мои наивные вопросы. Любого подростка интересуют вопросы любви и отношения к женщине. Так вот, все это было заложено там. Я, как и многие подростки, увлекался героиней знаменитого фильма «Человек-амфибия» – Гуттиэре в исполнении Анастасии Вертинской. И потом я влюбился в соседскую девушку, Ларису, которая была старше меня на 3 года (мне было 14, ей – 17). Ее одноклассники меня из-за этого лупили и издевались, особенно – когда узнали, что я «открыл» маленькое озерцо в горах, которое, как мне казалось, никто до меня не видел, и назвал в ее честь. Много лет спустя я встретил ее замужнюю, с ребенком, расплывшуюся, но все равно что-то внутри екнуло... Первая любовь не ржавеет!

Я часто вспоминал советы моих старших товарищей и героев любимых писателей Александра Грина, Брета Гарта, Джека Лондона¹³ и Ги де Мопассана. Последний в юном возрасте довольно полезен, так как довольно откровенно писал о «секретной стороне любви», т. е. о сексе, которого, как позже было выяснено, «в СССР не было»... Прочитав его, я уже был более подготовлен «теоретически» – и к первому поцелую с женщиной, которую я боготворил, и к первому отказу, когда мать моего приятеля довольно неожиданно заявила, что мне она «не даст», хотя я ее и не просил ни о чем. Видимо что-то такое она прочла в моих глазах. Я полагаю, что любой подросток сталкивался с ситуацией, гениально описанной в стихотворении Саши Черного под названием «Недоразумение»:

*Она была поэтесса,
Поэтесса бальзаковских лет.
А он был просто повеса,*

¹² Младшими научными сотрудниками.

¹³ Про Гарта я вспоминал, когда позже встречался с американцами, спрашивал, знают ли они автора «Степного найденца», но оказалось, что он, так же как О. Генри и Дж. Лондон, не столь широко известен, как у нас.

*Курчавый и пылкий брюнет.
Повеса пришел к поэтессе.
В полумраке дышали духи,
На софе, как в торжественной мессе,
Поэтесса гнула стихи:
«О, сумей огнедышащей лаской
Всколыхнуть мою сонную страсть.
К пене бедер, за алой подвязкой
Ты не бойся устами припасть!
Я свежа, как дыханье левкоя,
О, сплетем же истомности тел!..»
Продолжение было такое,
Что курчавый брюнет покраснел.
Покраснел, но оправился быстро
И подумал: была не была!
Здесь не думские речи министра,
Не слова здесь нужны, а дела...
С несдержанной силой кентавра
Поэтессу повеса привлек,
Но визгливо-вульгарное: «Мавра!!»
Охладило кипучий поток.
«Простите... – вскочил он, – вы сами...»
Но в глазах ее холод и честь:
«Вы смели к порядочной даме,
Как дворник, с объятьями лезть?!»
Вот чинная Мавра¹⁴. И задом
Уходит испуганный гость.
В передней растерянным взглядом
Он долго искал свою трость...
С лицом белее магнезии
Шел с лестницы пылкий брюнет:
Не понял он новой поэзии
Поэтессы бальзаковских лет.*

Крымская земля, климат, ароматы степи, смешанные с запахом моря, стрекот цикад – все это явно способствовало созреванию не только винограда и фруктов, но и молодых сердец! Кстати, на уборку винограда нас «гоняли» осенью из школы, а после уборки мы еще ходили собирать для себя виноград, который случайно пропустили уборщики. Почему-то это называлось «джимболосить»... Никогда не забуду радости находки: отворачиваешь листья – и перед тобой тяжелая, больше килограмма, увешанная крупными ягодами гроздь ягод сорта «Тайфи розовый» или масса мелких ароматных ягод «Кокура», из которого делали одноименное вино. Вино молодое, приготовленное в этом же году, стоило дешево – 70 копеек и пилось всеми из бочек, как квас в России. В процессе распашки новых полей под виноградные плантации трактора иногда выворачивали из земли черепа и кости, заезжая ненароком на заброшенные татарские кладбища. Вообще, татары, выселенные Сталиным с Крымского полуострова, оставили там большой след! То и дело, бродя по окрестным горам, я наткнулся на ирригационные сооружения, заброшенные сады, в которых росли грецкие орехи, виноград, груши и т. п. Боль-

¹⁴ Мавра – это имя, кто не знает.

шое впечатление на меня произвела поездка с классом в Бахчисарайский дворец татарского хана Менгли-Гирея. «Фонтан слез» (широко известный благодаря А.С. Пушкину) не впечатлил, а вот оружие хана, его одежда, обстановка дворца были роскошны¹⁵. Также осталось в памяти посещение древнего заброшенного армянского монастыря под Старым Крымом в горных зарослях кизила. Позднее – недалеко оттуда – посещение женского монастыря, где можно омыться святой водой из источника, светелки игуменьи, которую кто-то тогда пытался сжечь по неведомым мне причинам.

Поскольку биостанция принадлежала ИнБЮМу¹⁶, (расположенному в одном из самых любимых мною городов – Севастополе – кроме Сиднея и Сингапура), меня иногда брали в поездки на стареньком автобусе биостанции, который нас возил в соседний поселок Щebetовку в школу. Парки, аллеи, набережная Севастополя, чистые улицы, телефонные будки, которые по утрам мылись с мылом, морские офицеры, в белой форме с кортиками на поясе. Все это запомнилось, и влекло меня туда в течение всей моей жизни! Интересно, что несмотря на то, что практически во всех городах Союза главная улица была обязана называться Ленинской или Карла Маркса, как, например, во Владивостоке – улица Светланская была переименована в Ленинскую, хотя в памяти людской район опиума-курилен и «веселых домов» «Владика» под названием «Миллионка» так и остался «Миллионкой», главная улица Севастополя всегда называлась Большой Морской. Здесь, в Севастополе, я подружился, несмотря на разницу в возрасте (14 и более 60 лет), с Лидией Алексеевной Ланской, потомком знаменитого дворянского рода Ланских. Она много лет была хранителем планктонных коллекций ИнБЮМа (есть и такие – люди не только картины, марки и табакерки собирают!). Позже, встречаясь с потомками белоэмигрантов за рубежом, я понял, ЧТО Россия потеряла в 17-м году, какой огромный пласт культуры!

По дороге в Севастополь или обратно мы иногда заезжали в домик музей Александра Степановича Грина и встречали его жену – Нину Николаевну Грин. Обе эти женщины, и Ланская и Грин, несмотря на свой возраст, а им было далеко за шестьдесят, обладали удивительной жаждой жизни, искрящимся чувством юмора. Однажды мы удостоились чести принимать у себя в гостях Нину Николаевну. По случаю ее приезда мы с мамой нарисовали на стене веранды нашего дома парусник с алыми парусами, ниже которого она, растрогавшись, поставила свой автограф. Перемещения Нины Николаевны были под пристальным взглядом КГБ, так как она отсидела 10 лет в сталинских лагерях – тогда многие сидели... Согласно ее завещанию, ее пытались похоронить рядом с мужем, на старокрымском кладбище, но это запретили под разными нелепыми предлогами. По этому поводу так называемые «диссиденты» обращались к председателю Союза писателей СССР Тихонову, на что он ответил: «*Какая разница, кого где похоронили!*». А к нам наведались агенты КГБ и долго расспрашивали: о чем это такое мы говорили с такими неблагонадежными людьми? И не давали ли они нам запрещенную литературу типа «Доктора Живаго» Пастернака? Много позже, встретившись с новозеландцами, я узнал от них про существование знаменитого одноименного фильма. Они очень удивлялись, что я не видел этого фильма. Не говоря уже о романе. Но это было уже в 1978 году...

Это же ведомство, КГБ, занималось делом ученого украинца по фамилии Плахтий с биостанции, у которого, как принято сейчас говорить, «поехала крыша». Он стал писать письма в разные инстанции: «*Пуститэ менэ за границу, бо Ленин був за границей, а я нэ був – не то я сделаю знамя революцѣи ще красней...*». Его увозили, проверяли, признавали «социально не опасным» и отпускали. Позже, заточив две отвертки, он, придя в кабинет директора биостан-

¹⁵ Позже, в весьма почтенном возрасте мы с женой посетили дворец хана снова, но оружие почему-то все оказалось в запасниках, может, исчезло в смутные годы?

¹⁶ Институту биологии южных морей Академии наук Украины.

ции, пробил ему голову и грудь в нескольких местах¹⁷, его увезли в неизвестном направлении, и тихий поселочек вздохнул спокойно... Но несмотря на тихий внешне, сонный вид поселения, страсти тут всегда кипели нешуточные: романы, интриги (кое-кто вешался, увозили чужих жен и лаборанток). Один из сотрудников, бросив жену с двумя мальчишками-близнецами, сбежал на Севан, другой почему-то решил, что у него рак, и неожиданно повесился. Местные плейти-бои, приезжающие на танцы на красных чешских мотоциклах «Ява», что считалось высшим шиком, «ухлестывали» за белокурыми «отдыхайками» из Прибалтики. Такой мотоцикл был и у моего первого учителя биологии – Валерия Владимировича Трусевича, который был предметом жгучей зависти местных «безлошадных» пацанов!

Несмотря на то что Крым был «Меккой» для интеллигенции, учиться тогда где-либо в Крыму в высшем учебном заведении было практически невозможно. И перед нами встала дилемма – куда переехать, чтобы я смог пойти учиться, – в Петрозаводск или Хабаровск. Мама слетала в Карелию, но Петрозаводск ей почему-то не понравился. Я до сих пор задумываюсь, как бы сложилась моя судьба, если бы она выбрала Карелию? Или если бы мы с мамой приняли предложение академика Эмануэля помочь мне с поступлением в МГУ на биохимию? Но все случилось, как случилось. И я рад, что жизнь подбросила мне немало возможностей попробовать и увидеть многое, о чем я и хочу поведать вам, дорогие мои читатели!

¹⁷ Благо человек оказался крепким и выжил.

3

Юность на земле В.К. Арсеньева

В 1969 г., когда самолет подлетал к Хабаровску, я ожидал увидеть город посредине девственной тайги, ради которой, собственно, мы и летели на Дальний Восток. Однако когда самолет заходил на посадку, я увидел массу распаханых земель, дома, дороги... Я завопил со всей силой юного максимализма: *«Куда меня привезли? Где тайга, о которой я столько читал у Арсеньева?! Вернемся обратно, нас обманули!»*. Меня не утешил даже величественный вид одной из красивейших рек – Амура. Скандал продолжался и в аэропорту, пока встречавшие меня товарищи моей мамы не убедили меня, что самолет залетал *«не с той стороны и тайга все же есть, и тигры в ней бродят»*...

Хабаровский Комплексный НИИ, где работала моя мама, был сосредоточением массы интересных людей – биологов, экологов, геологов и т. п. В то время возглавлял институт академик А.С. Хоментовский, долговязый как удочка, с абсолютно лысой, как яйцо, головой, пользующийся бешеной популярностью у дам за свой экзотический вид и старомодную галантность. Потом ХабКНИИ возглавляли не менее известные люди – академик Ю.А. Косыгин (которого во время его первого появления в институте бабушки вахтерши приняли за однофамильца бывшего премьер-министра), Б.Н. Воронов, о котором речь впереди...

Впервые я попал в тайгу, когда после 9-го класса мама взяла меня в Большехехцирский заповедник. Наша база была недалеко от того места, где, по слухам, погиб проводник В.К. Арсеньева – Дерсу Узала, о котором так тепло он писал и о котором снял фильм замечательный кинорежиссер Акира Куросава. От этой экспедиции осталось несколько воспоминаний: чавкающий под сапогами мох болота, комары и клещи, которые почему-то гораздо больше полюбили мою маму, чем меня. Накомарники – сетки, которые надевались на голову, чтобы спастись от кровососущих, алчущих насекомых, при изнуряющей жаре мешали дышать, так называемые «энцефалитки», куртки из плотной ткани, пропитывались потом. В заповедник вела дорога, по которой, видимо, возили радиоактивные отходы, так как машины со знаком радиоактивности сновали мимо шлагбаума с таким же знаком. И никто не спрашивал об этом – не принято: государство и компартия знают, что делают! В соседней деревне с милым названием Чирки я подружился с сельской белокурой девочкой, которая мне очень понравилась. Ей, видимо, я тоже нравился, но она строго мне говорила, когда я к ней приближался ближе, чем на полметра: *«Отскечь от меня...»*. Гораздо более свободные нравы исповедовала ее подруга с редким именем Акулина. Она гуляла с солдатами местного гарнизона, которые, неблагодарные, написали на остановке автобуса: *«Акулина – шивый бок, титек нет, один пупок»*... Романтики, которой я ожидал после книг Арсеньева, я там не встретил, зверья практически не видел... Попал я в этот заповедник еще пару раз много позже, лет через 30, когда уже работал во Всемирном фонде дикой природы (World Wildlife Fund или Worldwide Fund for Nature – WWF).

В следующую экспедицию я поехал с геологами, когда провалился при первом поступлении в Дальневосточный университет (ДВГУ) во Владивостоке. Мама пристроила меня рабочим в Дальневосточное геологическое управление, в музей минералов. Там я тихо перетаскивал друзья и куски минералов (особенно меня впечатлил гигантский черный кристалл мориона размером с человеческую голову). Остались в памяти беседы «за жизнь» с отставным главным геологом управления, Львом Борисовичем Кривицким. Это был человек с лицом и седой гривой льва, чем полностью оправдывал свое имя! Он, помню, сильно расстраивался, что его дочь вышла замуж и поменяла фамилию на «мужнину» – Глушаков, тем более, что она родила сына и назвала его Ярослав. Лев Борисович ворчал:

«Ну ладно, был бы он Ярослав Кривицкий, или Ярослав Мудрый, а если на всю жизнь он так и останется “глушаковым”?».

Здесь я увидел объявление о том, что производится набор в Египет маршрутных рабочих для нефтедобычи, и решил ринуться на дальнейшие поиски романтики. Если бы мама запретила мне это – я бы непременно поехал! Но она мудро предложила мне подумать, сказала, что прежде нужно выучиться, а потом весь мир будет открыт. И я решил сделать еще одну попытку и в 1971 году поступил на биолого-почвенный факультет ДВГУ¹⁸.

На первом курсе я поехал по старой памяти «в поля» с геологической экспедицией, искать старые русла Амура. Руководил экспедицией однорукий геолог В.Н. Сохин. С ним было несколько студентов Комсомольского-на-Амуре пединститута и один – из МГУ, по имени Давид, с курчавой бородой (которому Сохин отказался в конце практики дать характеристику за антисоветские высказывания). Группа ребят из Комсомольска включала в себя молодых супругов Гловацких, поэта Александра Горбунова, (который у костра читал нам свои стихи, пел песни под гитару) и еще одну девушку.

Наш руководитель запомнился тем, что все делал одной рукой гораздо лучше нас, двуруких – стрелял, ставил палатку, рубил дрова и т. п. Мы копали ямы, так называемые шурфы, бурили ручным буром землю. Для лучшего заглубления в землю сажали одну из наших девушек на ручку бура, в то время как парни, как лошади в забое, ходили по кругу, вращая бур. По очереди мы дежурили в лагере, готовя пищу, что было легче, но несравненно более ответственно, поскольку с маршрута ребята возвращались голодные как волки. Кроме того, нужно было по очереди охранять лагерь: по реке шныряли подозрительные лодки – приближался ход лосося! На этот случай у меня была старая винтовка. Со мной дежурила девушка, с которой, грешен, мы целовались как сумасшедшие – между приготовлением наших кулинарных изысков в виде рожек с тушенкой и салата из похожего на дикий чеснок растения – черемши. Эти приятные занятия были прерваны появлением лодки с несколькими небритыми мужиками в наколках, возглавляемыми подвыпившим милиционером. Они сказали, что ловят браконьеров, хотят проверить наши документы. Я ответил, что браконьеров в соседних протоках видимо-невидимо, сетки стоят везде, по главному руслу лодки идут «сплавом»! Милиционер рассердился, потребовал разрешение на имеющуюся у нас «мелкашку», которую тут же с удовольствием конфисковал, так как документы на оружие были у Сохина. Вечером наш начальник сообщил по рации «куда следует», что наши секретные карты и материалы остались без надлежащей охраны, и в тот же вечер местный участковый и рыбинспектор-браконьер, протрезвев, привезли винтовку и извинились.

Вернувшись в Хабаровск, я стал готовиться для поступления на биологический факультет Дальневосточного госуниверситета, И весной 1971 года наконец-то поступил и переехал во Владивосток, поселившись в общежитии. Там мне пришлось столкнуться с неким подобием «дедовщины», когда старшекурсники показывали нам, желторотым абитуриентам, «кто в доме хозяин» в общежитии, а мы яростно отстаивали свои права. Результатом стала моя разбитая губа, так что вместо слова «шесть» я говорил некоторое время «шеить» на первых зачетах. Жизнь в общежитии – это отдельная тема, с танцами в темноте, поцелуями по углам, готовкой дежурного блюда – рожек с добавлением банки тушенки или окуня-терпуга, любовью на столе для глажения, сборами на свидание одного из «сокамерников» всем миром – рубашка от одного, брюки от другого. «Романтика», которая может сравниться только с последующими поездками «на картошку» в колхоз! Во время «абитуры» я познакомился с тремя ребятами из Комсомольска-на-Амуре, с которыми я сдружился на всю оставшуюся жизнь: Юрой Заславским, Петром Шеенко, которые, как и я, поступали на биофак, и Борисом Пундаловым, буду-

¹⁸ На юридическом факультете экологической направленности не было, и детская мечта стать прокурором осталась нереализованной.

щим математиком. Последний, увы, погиб в автокатастрофе в 90-е годы, а с Юрой и Петром мы по-прежнему на связи. Люди они интеллигентные, но проживание в таком городе, как Комсомольск, – гнезде организованной преступности на Дальнем Востоке, наложило на них свой отпечаток. Так, например, когда мы с ними пришли в ближайший гастроном за «дежурным набором» в виде консервов (или китового мяса) и макарон, нас – трех очкариков зацепила местная шпана – человек пять. Пока я раздумывал, как быть, Юра осмотрел окрестности, подобрал с земли кусок арматуры, и деловито спросил: «*Ну что, ввяжемся в инцидент?*»... Вообще, привычка обижать очкариков не всегда проходит без последствий. Как-то несколько позже, когда я начал заниматься каратэ, мы с моим тренером Володей Жлобинским шли с тренировки, беседуя о чем-то возвышенном. И Володя, замешкавшись на трамвайных путях, помешал проезду водителя такси. Последний, высунувшись из машины, заорал: «*Ну, куда ты на хрен прешься, четырехглазый?*». Обладая, в отличие от меня, прекрасной «растяжкой», мой тренер аккуратно боковым ударом ногой (маваси-гири) «приложил» к торчащей из окна такси голове. Раздался звук, похожий на пощечину, – и голова таксиста мгновенно исчезла, мы увидели красные стоп-фонари машины уже далеко впереди! Вся наша «четырёхглазая» компания – Юра, Петя, я и Борис поступили в ДВГУ, продолжали дружить во время и после учебы, были что-то типа побратимов. И хорошо знали привычки и особенности друг друга. Так, Петр обладал удивительной способностью «влипать» во всякие неприятности. И когда мы решили в шторм покататься на море, мы предложили ему подождать нас на берегу. На что он покорно согласился, залез на высокую скалу для наблюдения за нами. Барахтаясь в волнах, мы не сразу заметили, что его на скале нет! Вынырнув из-под очередного «девятого вала», я увидел, что его смыло подошедшей волной и мутзит о камни! От судьбы не уйдешь, но, слава богу, обошлось без серьезных травм – только синяки и порезы... Зато мои занятия каратэ привели к тому, что я, отжимаясь на одной руке от пола, заработал грыжу, которую потом пришлось оперировать в краевой больнице. Оперировал меня недавно вернувшийся из Анголы военный хирург, с которым мы пикировались постоянно. Начитавшись про эти операции, я просил его не забыть сделать мне «дубликатуру» – сложить ткань так, чтобы грыжа больше не вылезла. На что он задумчиво сказал: «*Грамотный пациент пошел, зарезать тебя, что ли?*» А когда после операции неопытная сестра снимала у меня швы дрожащими руками – он ей сказал: «*Ну что ты трясеешься? Ну, пациент страдает – бог с ним, но ты же сама можешь порезаться...*». Так что – скучно не было!

Моя следующая экспедиция состоялась через год – в Амурскую область, в районы, прославленные постепенно забываемым сейчас писателем Григорием Федосеевым (так же как и совершенно замечательные Олег Куваев и Виктор Конецкий, о которых я упоминал). Романы Федосеева – «Смерть меня подождет», «Злой дух Ямбуя» и другие его книги живописали картографические экспедиции, суровую природу Джуджурского хребта, мелких рек – притоков Зеи, поселок Бомнак (в местах, затопленных позже Зейской ГЭС). При этом, следуя традиции, заложенной В.К. Арсеньевым, он брал в проводники эвенка Улукиткана, такого же мудрого, как знаменитый, благодаря книгам Арсеньева и фильму Акиры Куросавы, удэгеец Дерсу Узала. Наша экспедиция должна была оценить потенциальный вред, который принесет строительство гидроэлектростанции на реке Зея (хотя решение о ее строительстве уже было принято). Она состояла из гидрологов, зоологов и ботаников, возглавлялась Юрием Сергеевичем Прозоровым, маминым приятелем, в просторечье именуемым «Юсом»¹⁹. Частью этой экспедиции были и мы с моим «боссом», зоологом Владимиром Маркияновичем Сапаевым по кличке «Маркияныч». Он научил меня многому: стрелять рябчиков, наматывать портянки, варить уху, прочел мне лекцию о различиях между русскими и местными, аборигенными красавицами. С его

¹⁹ У него дома в Хабаровске на стене висела огромная, купленная в Китае, гигантская шкура тигра со стеклянными глазами и деревянным качающимся языком на пружинке.

русой бородой и голубыми глазами, он производил на них неизгладимое впечатление, отмечая командировочные удостоверения в очередном сельсовете. Из его лекции я запомнил только несколько моментов: наличие у местных прелестниц гладкой, как у дельфина, кожи, идеальной формы груди в молодом возрасте, покорности перед мужчиной. Не думаю, что все это в полной мере соответствует действительности, проверить мне это удалось значительно позже... Тогда, мальчишкой, первокурсником я и мечтать не мог о таком приключении.

Вспоминается также огромный, убитый мной первый и, наверное, последний в жизни глухарь (рябчиков и уток я не считаю) и наваристый суп из него. Когда мы уходили на болота учитывать вселенную в эти края ондатру (небольшого водоплавающего зверька, из шкуры которого получают замечательные шапки-ушанки), мы оставили почти неподъемный ящик с продуктами, в основном консервами, оттащив его подальше от зимовья на пригорок. Вернувшись, мы ящика на прежнем месте не обнаружили. Путем «циркуляции» вокруг мы с удивлением нашли его внизу, у подножия холма. Причем он остался забитым, ничего не пропало. Внимательно осмотрев ящик и землю вокруг того места, где мы его оставили, мы поняли, что ящик наш «помешал» гигантскому медведю, проходящему мимо. Видимо, он, в сердцах, пнул его с досады, что съестное недоступно. Ящик, который мы с трудом затащили на холм вчетвером, пролетел после этого метров двести! Силища впечатляет, не правда, ли? Нужно также сказать, что нас с шефом в этой поездке сопровождали неслабые мужики, местные охотники, удивительные продукты смешения крови русской и эвенкской, здоровенные, с широкими лицами. Убив лося, они легко взваливали на себя приличную часть туши и двигались по болоту, как ни в чем не бывало! Правда, и они говорили, что опасаются проигрывать в шахматы местному милиционеру, у которого кулаки почти с мою голову. Он при «разборках» местной молодежи брал в охапку сразу по несколько человек и волок «в участок». Так вот он как ребенок, очень огорчился, когда проигрывал в шахматы, особенно если был «под мухой»! Когда мы грузили в лодку продукты в поселке Бомнак, он подошел «покалякать» с нашими проводниками. На пригорке, недалеко от нас сидел старый эвенк, покуривающий трубку и посматривающий на нашу суету сквозь щелочки глаз, прячущиеся в глубоких морщинах, с улыбкой древнего сфинкса. На одной руке я заметил отсутствие нескольких пальцев. При этом, несмотря на то, что здешний магазин отпускал местным спиртное с 5 до 7 вечера, он с утра уже был «подшофе». Пока мы грузились, к «сфинксу» подошел здоровенный мужик с рыжей бородой «бомжеватого» вида. С ходу он ни с того, ни с сего набросился на старичка с оскорблениями, провоцируя того на драку! Дед не поддавался, спокойно покуривая трубочку, будто того как бы и не было... Я, возмущенный таким поведением, решил вмешаться, но местные меня остановили, сказав: «*Это без надобности, Николай (так звали старичка) сам справится, мужик просто не знает, с кем связался!*». Дед отсидел, по их словам, около 20 лет в сталинских лагерях и «*если че, пришьет его в три минуты*». Мужик, видимо, надоело отсутствие всякой реакции на его «ужимки и прыжки» и он, отчаянно матерясь, удалился. Мне удалось поговорить с Николаем, который сказал, что лагеря теперь не то, что раньше, народ измельчал, он, например, на спине лошадь поднимал.

Сидел он, по его словам, в основном по мелочи, больше по инерции, но подолгу – за выбитое стекло запросто могли дать 3–5, а то и 10 лет!

Оставляю читателю возможность самим решить, верить ему или нет. По словам охотников, пальцы ему отстрелили, когда он решил набить морду соплеменнику, у которого был с собой карабин. Оба были пьяны вдребезги, поэтому стрелок, попадавший белке в глаз, промазал по двигающемуся на него Николаю. Дело в том, что у аборигенов отсутствуют ферменты, расщепляющие алкоголь, поэтому его воздействие на них гораздо разрушительнее, чем на русских. Трезвые, они милейшие, радушные люди, но выпив, быстро хмелеют и тормоза отпускают. Этим часто пользуются недобросовестные торговцы, выменивая у них на водку шкуры, икру и рыбу. Несмотря на свою малочисленность и создание различных ассоциаций, эти люди

довольно разобщены огромными расстояниями, языковыми барьерами, традициями – одни традиционные охотники, как, например, удэге, другие – больше рыболовы, как, например, нанайцы.

Один мой приятель – Юра Заславский рассказывал, как возил икру лососевых, занимаясь акклиматизацией дальневосточной горбуши в других районах России²⁰. В путешествии по реке Амур его сопровождали два представителя этих малочисленных народов, оба довольно запущенного вида. И вот, когда сидели у костра, один из них резко встал и ушел в темноту. Второй крикнул ему вслед: «*Ты куда?*» и, не дождавшись ответа, констатировал: «*Во – зверь был, зверь остался!*».

Вообще, работая в тайге, сталкиваешься порой с разным людом – так, наш однокашник по фамилии Мещеряков, худенький очкарик по кличке «*Мещеристое тело*», был убит своими подчиненными – бомжами, нанятыми «бить», то есть копать шурфы²¹, из-за того, что не дал им похмелиться.

Глубокое уважение вызывали старые полевики, интеллигенты. Мне посчастливилось работать студентом в экспедиции на Камчатке и Курилах с известным зоологом профессором Гордеем Федоровичем Бромлеем (фото 7). Семья Гордея Федоровича попала в Санкт-Петербург чуть не во времена Петра I. Как я узнал из воспоминаний еще одного славного петербуржца-ленинградца – Александра Городницкого, их именем до революции называли даже одну из улиц города – Бармалеевскую! Этой семье до революции принадлежала фабрика «Красный треугольник». Это Гордей Федорович научил меня играть в старинную испанскую карточную игру канасту, поражал энциклопедическими знаниями (подобно еще одному человеку, которого я бесконечно уважал, – гидробиологу Киру Назимовичу Несису) – он, казалось бы, знал практически все. Мы с ним ездили в горную «Камчатскую Швейцарию» – Эссо с горячими источниками и на острова северной гряды Курильских островов – Парамушир и Шумшу. На островах мы почти спустились в кратер вулкана Эбека, помешал наплывший туман, но запах серы и голубое озеро на дне вулкана запомнились навсегда. На острове Шумшу нашли остатки японских танков и самолетов, бастиионы и бункеры, построенные, по слухам, пленными китайцами, которых японцы тут же и убивали по окончании работ. Сейчас, встречаясь с потомками самураев, трудно поверить, что такое возможно. Мне не так повезло, как моему приятелю, который нашел на островах настоящий самурайский меч, – мне достался только проржавевший штык.

По возвращении на Камчатку мы столкнулись с поразившим меня «экологической драматургией» эпизодом. Проезжая на грузовике по дороге, мы увидели на небольшом холме медведя, с любопытством наблюдавшего за движущимися по шоссе машинами. Через 2–3 часа, возвращаясь тем же путем, мы увидели машину пограничников и лежащую тушу убитого медведя. Мы спросили: «*Вы его на пропитание убили или шкура понравилась?*» – «*Нет, – был ответ. – А чего он сидит?*». Как прокомментировал с грустным сарказмом Бромлей – «*А чего он живет?*»

На каникулах я попадал несколько раз в Москву на первых курсах, мне удалось увидеть Владимира Высоцкого – легенду бардовской песни в спектакле «Гамлет» в Театре на Таганке. Я любил и люблю его стихи и песни (хотя ранние отдают «блатняком»), особенно мне запала в душу относительно малоизвестная его песня «Что за дом притих»:

*Что за дом притих, погружен во мрак,
На семи лихих продувных ветрах,*

²⁰ Другое дело, хорошо это или нет, успешная акклиматизация камчатского краба и лососей с Дальнего Востока в Баренцевом море до сих пор вызывает массу споров.

²¹ Грубо говоря, ямы для изучения слоев почвы или скальной породы.

*Всеми окнами обратясь во мрак,
А воротами – на проезжий тракт...*

*В дом заходишь, как все равно в кабак,
А народишко: каждый третий – враг,
Своротят скулу: гость непрошенный,
Образа в углу и те перекошены...*

*Кто ответит мне, что за дом такой,
Почему во тьме, как барак чумной?
Свет лампад погас, воздух вылился,
Али жить у вас разучились?*

*Двери настезь у вас, а душа взаперти,
Кто хозяином здесь? Напоил бы вином,
А в ответ мне: «Видать, был ты долго в пути
И людей позабыл. Мы всегда так живем.*

*Траву кушаем, век на щавеле,
Скисли душами, опрыщавели,
Да еще вином много тешились,
Разоряли дом, дрались, вешались».*

*Я коней заморил, от волков ускакал,
Укажите мне край, где светло от лампад.
Укажите мне место, какое искал,
Где поют, а не плачут, где пол не покат.*

*О таких домах не слышали мы,
Долго жить впотьмах привыкали мы.
Испокону мы в зле да шепоте,
Под иконами в черной копотии.*

*И из смрада, где косо висят образа,
Я, бабку очертя, шел, свободный от пут,
Куда ноги вели, да глядели глаза,
Где не странные люди как люди живут²²...*

Но в театре на Таганке его яростный, хриплый Гамлет меня тогда не тронул, в отличие от интеллигентно-ироничного Гамлета в фильме Г. Козинцева²³ в исполнении Иннокентия Смоктуновского. Не зря на родине Шекспира Британская Академия искусств присудила фильму премию как лучшему фильму по Шекспиру! Кстати, вы можете представить себе японца, у которого любимый певец – В. Высоцкий? Я встречал такого – директора представительства японского торгового дома Мицуи – г-на Точибана²⁴. Позже я время от времени вспоминал эту

²² Привожу не полностью.

²³ Его фильмы по Шекспиру я считаю лучшими иллюстрациями этого великого драматурга – жаль, их стали потихоньку забывать.

²⁴ О японцах во Владивостоке – отдельно.

его песню, когда жил в «хрущобах» – панельных домах на бухте Тихой Владивостока, куда в свое время сселили кучу народа из бараков, но об этом позже.

В то же время я открыл для себя Михаила Афанасьевича Булгакова, который стал популярен в нашей стране гораздо позже. Сейчас никто (из мыслящих людей) не сомневается, что «Мастер и Маргарита» – великий роман с трудной и таинственной судьбой. Ведь в отличие от прекрасных шекспировских фильмов, попытки его экранизировать мало кому удавались, за исключением Владимира Владимировича Бортко, который до этого попал в «яблочко» с фильмом «Собачье сердце» по одноименной повести М. Булгакова. В таких случаях режиссер оказывается между «Сциллой» вольной интерпретации великого автора и «Харибдой» – буквально следовать самому произведению. Здесь автор оказался во второй ситуации, бережно перенес на экран и роман и повесть. Может, оно и правильно, так как «отсебятина», в виде НКВДэшника в исполнении Валентина Гафта в «Мастере...» выглядела довольно инородно. В последнее время, правда, я начинаю думать, что главным героем романа является не Мастер и не Маргарита, а Воланд, а сам Мастер – воплощение всех слабостей самого Михаила Афанасьевича, что не ставит все же под сомнение его талант. Тогда мы читали М. Булгакова, многие неизданные произведения братьев Бориса и Аркадия Стругацких и даже строго запрещенного в СССР Александра Солженицына, отпечатанные на машинке (единственное его произведение, увидевшее свет – «Один день Ивана Денисовича», можно было прочитать в журнальном варианте). И спорили до хрипоты о Сталине, лагерях, многопартийности (о ней не смели даже мечтать в нашей стране – такой незыблемой казалась «руководящая и направляющая роль компартии»). Тогда же пели бардовские песни, зачитывались произведениями Гарсия Маркеса, Эрнеста Хемингуэя: портрет Папы Хэма в свитере украшал многие комнаты студенческих общежитий, где сейчас висят фото поп-звезд современности и выходцев из «Фабрики звезд».

Кроме научных достижений для нас, студентов, гораздо более значимыми были человеческие качества преподавателей, чувство юмора, даже их маленькие слабости. Например, когда умер преподаватель зоологии беспозвоночных Цымбалюк, весь наш курс, находящийся на практике в «полях», ринулся во Владивосток на его похороны. Ехали на товарняках²⁵, пересякая на подступах к городу с товарных вагонов на электрички. Этот желчный человек запомнился не только тем, с каким увлечением он рассказывал о паразитах (в это трудно поверить, но это было интересно!), но и своим бурным романом со студенткой третьего курса, у которой была характерная кличка «самые широкие бедра биофака». Уже смертельно больной, он принимал у нас экзамен по зоологии, и, поскольку ему было трудно, студенты сначала сдавали первую часть ассистентке кафедры, а потом, пройдя этот «фильтр», попадали к преподавателю. Однако были и исключения. Первая красавица нашего курса Томочка как-то не очень вникала во все эти «беспозвоночные» премудрости, и ассистентка хотела ее отправить «поучить еще». Повернувшись к преподавателю, она сказала: «*Что с ней делать, она ничего не знает!*». Но мимо зорких глаз Цымбалюка ее красота не могла пройти, и он пригласил ее к себе. Последовал вопрос: «*У двустворчатых моллюсков есть голова?*». Подумав немного, Томочка сказала: «*Н-нет*». – «*А у головоногих?*» – «*Есть*». – «*Ну, вот видите*, – сказал, прося Цымбалюк, – *а вы говорите, что она ничего не знает*». – «*А Phthirus pubis (вошь лобковая) где водится?*». – «*Не знаю*»... – «*Ну, девушка, это надо знать!*» И поставил ей четверку. При всем при том экзамен этот был один из самых трудных.

Нельзя не вспомнить и «отца всех биологов» ДВГУ, декана биофака Альберта Федоровича Скрипченко. Несмотря на то что он был стойкий «лысенковец», его любили – он горой стоял за студентов, выбивая из преподавателей таких «непрофильных» специальностей, как научный коммунизм или исторический материализм, оценки. Это нужно было, чтобы нас не лишили стипендии и мы не голодали (ведь самым фирменным блюдом были у нас в общежи-

²⁵ Товарных вагонов.

тии макарон с терпугом в томатном соусе – банка терпуга на ведро макарон). Один наш однокурсник писал конспекты классиков марксизма, проставляя только названия и автора, а потом излагал ниже свои мысли по этому поводу. И ни разу не попался, поскольку преподаватели проверяли наличие конспектов достаточно формально (правда, такое проходило не всегда²⁶). За исключением отдельных одиозных личностей, они тоже понимали, что многое во «всесильном учении» не так. Преподаватель, читавший нам древнюю философию и диалектику, окончив читать свою последнюю лекцию, сказал: «Ну, все – наука философия на этом кончается, начинается "болтология"». Что говорить, если докторская диссертация нашего тогдашнего ректора Умпелева называлась «История партийной организации орденоносного Дальзавода»? В общем, преподаватели делали вид, что им очень важно, чтобы мы знали, что Ленин писал в работе «Как нам реорганизовать Рабкрин?» или решения XXIV съезда компартии, а мы делали вид, что знаем. Система двойных стандартов действовала вовсю. Например, преподаватель научного коммунизма рассказывал, как он плевался, когда коллеги из ГДР ознакомили его с образчиками порнографии, и как он гордо вышел из зала, а позднее был отстранен от преподавания за «аморалку». Уж и не знаю – что он там натворил! К счастью, кроме бесполезных знаний о «судьбоносных решениях» партийных съездов, мы получали много полезного благодаря присутствию многих крупных ученых – палеонтолога Краснова, ботаника и эволюциониста Красилова, генетика Воронцова, у которых нам посчастливилось учиться. Правда, лекции Николая Николаевича Воронцова были первой «парой» – утром, поэтому я их часто пропускал, теперь жалею об этом. Приоритеты в течение жизни меняются – я старался использовать принцип: «важное – вперед срочного», но это не всегда получается.

Жизнь вообще удивительная штука. Позже я узнал историю американских эмигрантов, сбежавших из США в Европу во времена маккартизма, а потом в СССР, которых здесь знали под фамилией Старосы. Филипп Старос (его историю изложил в довольно вольной интерпретации Даниил Гранин в своем романе «Бегство в Россию»), его жена Анна и дочь Кристина, именем которой Филипп назвал свою яхту, были яркими звездами на провинциальном небосклоне Владивостока. Вся их семья участвовала в съемках еженедельной программы на местном телевидении «Do you speak English?». Вели передачи обычно Кристина с ее мужем – Александром Лапицким, или с ее мамой (Филипп был слишком занят наукой), но были задействованы и дети. Например, дочь Кристины – Иванна, с участием которой связан забавный эпизод. Программы шли в прямом эфире, как ни странно, и каждая передача обычно посвящалась какой-то теме. В данном случае – как празднуется день рождения в США. Иванна по сценарию должна была говорить только по-английски, но когда ее мама внесла в студию испеченный по этому случаю торт, она, забывшись, басом произнесла: «Обожжаю торты!».

Не менее ярким человеком был наш преподаватель психологии Владислав Витольдович Милашевич. Благодаря всем им мучительное изучение английского языка для меня превратилось в удовольствие. В школе я учил французский язык, и английский был для меня «китайской грамотой». Владислав Витольдович на основе достижений недооцененных в мире школ психологов А.Н. Леонтьева и Л.С. Выготского и лингвиста Л.В. Щербы разработал экспресс-методику обучения переводу с английского языка. Ее суть – в понимании структуры языка, самого предложения по типу примера, приведенного тем же Щербой: «Глокая куздра будланула бокра и кудрячит бокренка». То есть вы не знаете, что такое «куздра», тем более «глокая», но вы понимаете, что «кто-то что-то сделал с кем-то». Остается только посмотреть в словаре – что же такое «куздра?» и т. п. Поучившись десять дней по этой системе, причем сама система занимала только три дня, остальное – практические занятия, я, абсолютный ноль

²⁶ Я слышал историю про курсанта высшей мореходки, который, сдавая диплом по двигательным установкам судов, написал «поскольку никто дипломных работ до конца никто не читает, предлагаю винты ледоколов делать деревянные», залетел и имел проблемы.

в английском языке (а Владислав Витольдович предпочитал именно таких учеников), начал читать и переводить тексты по биологии, детективы Агаты Кристи. Мне оставалось только лазить в словарь, так как запас словарный у меня был сами понимаете какой. Разговаривать я по-прежнему не мог. Когда наша университетская преподавательница английского (знаменитая госпожа Постникова) меня что-то спрашивала, я бледнел, потел, с трудом подбирая слова – ситуация, согласитесь, знакомая многим. При этом когда я ей говорил, что учил французский, а не английский в школе, она неизменно отвечала: «У нас, сэръ, не ликбез, а университет, и извольте соответствовать!».

И тут, как я писал выше, мне опять повезло – я встретил семью Старосов, которые кроме программы на местном телевидении организовали клуб английского языка при Доме ученых во Владивостоке. Когда на вечере в Доме ученых их отец, Филипп, меня спросил: «*Where is your dog?*», я стал пыхтеть, пытаюсь сообразить – как построить сложную конструкцию, объясняющую, что у меня сейчас нет собаки, а она есть у моей мамы, и т. п. Он, увидев мое замешательство, сказал: «*He смущайся, take it easy...* Скажи: «*None of your business*»! Главное – чтобы ты не боялся говорить...». Вот так это началось, и через песни, стихи, шутки, т. е. через удовольствие, я стал быстро набирать темпы и сейчас не испытываю особых сложностей, путешествуя по всему миру. И всегда поминаю добрым словом моих учителей.

После моей последней сухопутной экспедиции на Камчатку и Курилы я решил, что пора мне повидать дальние страны, меня звала «Гринландия», страна, придуманная А.С. Грином. Названия его придуманных городов звучали для меня как музыка – Зурбаган, Лисс, Гель-Гью... Мой первый рейс – еще студентом – в 1974 году, однако, был недалеко – по Японскому морю на борту рыболовного сейнера «Атна», переделанного в НИС²⁷ – научно-исследовательское судно. Возглавляли экспедицию гидробиолог В. Лукин, врач (у него в дипломе написано было «ликать», что на украинском языке значит «врач»), ставший позднее гидробиологом, и будущий декан биологического факультета ДВГУ В. Кудряшов. Нам они казались мастодонтами, хотя им было лет по 35–40. Эти здоровенные мужики легко управлялись с членами экипажа, научной и водолазной группами, в последней из которых было тоже немало крепких парней. Один из них, задиристый, по кличке «Геша-крокодил», дружил с радистом, пузатым, как бочонок, двухметровым радистом, и они часто задирали боцмана, молодого худошавого чеченца, дразня его «чижиком». Знали бы они, во что это выльется! В портовом магазине, куда мы зашли с ними, нам встретились группа здоровенных матросов с соседнего транспортника с обезьянкой на плече одного из этих здоровяков. Не помню, из-за чего разгорелся конфликт, но в этот раз все кончилось без мордобоя. Но это был «ещё не вечер»!

После порта Ванино (была такая песня: «*Я помню тот Ванинский порт и вид парходов угрюмый...*») при заходе в залив Де-Кастри (как вам нравится название?) мы посетили наших коллег на двух наземных биологических станциях – Института биологии моря (ИБМ) Академии наук и Тихоокеанского НИИ рыбного хозяйства и океанографии (ТИНРО). Нам были рады везде: в этих глухих местах встретить коллег – невероятная удача и событие! Но если хозяйственные ТИНРОВцы угощали нас копченым лососем, жареным бакланом и парным молоком от коров, которые принадлежали местной жительнице, сосланной в эти места еще при Сталине, то у ИБМовцев кроме подгорелой каши ничего не нашлось. Это совсем не испортило нам радости встреч, и справедливости ради нужно сказать, что на биостанциях ИБМ в бухте Витязь и заливе «Восток» на юге Приморья можно было полакомиться и гребешком, мидией, жареной камбалой. К слову сказать, особенно интересно было на станции «Восток» во время ежегодного «Дня моря»! Дело не ограничивалось банальным выходом Нептуна, там были целые ритуалы: обмен рублей на местные деньги – «пиги», маскарады, постановка современных балетов одним

²⁷ А были еще НПС – научно-поисковые суда, которые вели так называемые рыбохозяйственные исследования, т. е., грубо говоря, изучающие рыбные ресурсы, о них речь ниже.

из докторов наук из Петербурга, который когда-то был «балеруном», маскарады. Балет мне особенно понравился, но мне пришлось взять на себя постановку сцен насилия и драк, которые изначально выглядели крайне неубедительно. Тут-то мне и пригодился мой опыт «боевых искусств» – с моей помощью все стало происходить вполне натурально!

Но вернемся на север Приморья – в Де Кастри. Мы с моим однокашником – Сашей Слабинским, который был там на практике, праздновали нашу встречу, сидя на поляне, разложив на пеньке припасы, включая местный портвейн, запивая все это привезенным с борта судна спиртом, когда из кустов неожиданно вышло стадо коров. Впереди них важно шествовал крупный козел – он, видимо, причислял себя к крупному рогатому скоту, не иначе. За ними выкапталась свора мелких собак. А за ними – вот так сюрприз – неопределенных лет дама в платье с глубоким декольте. Платье было короткое, в крупных маках, на лице у дамы была наложена косметика, ярко-красная помада, черные глаза горели как угли. Потом мне рассказали, что это как раз та дама, сосланная в эти края за танцы перед немцами в ресторане, где-то в Гродно. Одиночество, видимо, и послужило причиной такой боевой раскраски – мужчины прибыли! Когда я вернулся на борт, экипаж спорил, кто пойдет к ней на постой – с одной стороны, есть шанс питаться домашним, с другой – даме лет под 60, не меньше! Под громовой смех выбрали радиста, как самого крупного, но несмотря на то, что он говорил, что он *«может удовлетворить любую»*, и *«все, что выше колена у мужика – все грудь»*, он отказался получить «удовольствие»²⁸.

Других происшествий при этом сходе на берег не было, несмотря на то, что после тяжелой по 12 часов работе в море народ расслабился довольно сильно, потом утром собирали всех по стогам – было тепло.

Зато следующий заход в порт Сахалина – Углегорск – вылился в крупную драку. Сначала все шло пристойно, все приоделись, старпом выпросил у боцмана его новый костюм, все пошли чинно-благородно в музей А.П. Чехова, который тоже бывал в этих местах. Кстати, никак не могу найти ответ на вопрос: почему Антон Павлович, подробнейшим образом описавший свое путешествие на остров и пребывание на Сахалине, ни в одном своем произведении не поделился с миром впечатлениями от своего возвращения обратно. А ведь он возвращался морем, через Тихий и Индийский океан, посетил Японию и Индию, это путешествие на пароходе должно было оставить глубокие впечатления от разных стран и народов. А остались только его неопубликованные воспоминания, где этот знаток женских душ писал о своихключениях с японками, что согласитесь, несколько странно и удивительно!

После музея я вернулся на борт и увидел старшего помощника капитана (старпома), получившего синяк под глазом за разорванный боцманский костюм, который он надел, выходя «в люди». Кстати, старпом ко мне относился с симпатией, и утром с мостика иногда можно было услышать:

«Судовое время семь часов, команде – вставать! Костя-ласточка, просыпайся!». Боцман сидел на баке, меланхолично брэнча на гитаре, когда пришли подвыпившие главный водолаз и радист. Они опять начали задирать боцмана, который был трезв как стекло и зол как черт. Что тут началось! Сначала досталось водолазу – боцман завалил его тушу на стол кают-компании и лупил наотмашь по лицу. На помощь приятелю поспешил радист – «крокодил Гена», досталось и ему. Сухощавый «чижик» завалил его одним ударом и стал топтаться по его лицу. Все произошло в считанные мгновения, и я, придя в себя, оттащил боцмана, уговаривая лучше поиграть мне на гитаре. Он любил это делать и только начал успокаиваться, когда Геша, побитый, но несломленный, опять появился «на горизонте» и начал грозить, что он-де еще покажет этому сопляку! И все началось сначала... В конце концов вернувшийся капитан и начальник рейса обнаружили боцмана, сидящего со мной на палубе, и двух побитых

²⁸ Кстати, только недавно узнал, что это слово образовано от слова «уд», что значит мужской половой орган.

тых до неузнаваемости здоровенных мужиков (и мрачного старпома с синяком под глазом) – у водолаза глаз не было видно вообще, и его пришлось отправить в больницу. Так я понял, что на злости и бесстрашии можно справиться почти с кем угодно.

Как я уже говорил, с детства я был довольно хлипким, в школе меня поколачивали, и я решил, что в студенчестве мне пора стать «настоящим мужчиной». Как многие герои Хемингуэя, начал заниматься боксом, позднее перейдя на каратэ. Занимался я каратэ по системе Сетакан, где-то года три. И мне это (так же, как и занятия боксом) очень пригодились, когда я стал подрабатывать санитаром в психиатрическом отделении военного госпиталя. Проработал я там недолго, но эти дни и ночи оставили неизгладимое впечатление. Я понял, что если ты попал в эту систему, то доказать, что ты нормальный, практически невозможно. Поэтому слухи о содержании диссидентов в психушках совсем не кажутся мне неправдоподобными. За эту работу я получал очень неплохие по тем временам деньги – 140 рублей за 4 суточных дежурства в месяц²⁹. У меня был белый халат, связка ключей от всех дверей. Больные ко мне относились хорошо, я их слушал, сидя на стуле, набитом камнями (чтобы его невозможно было поднять и ударить кого-то по голове). Бред сумасшедшего слушать было тяжело, но интересно, например: «*Когда Наполеон посмотрит на женщину просто так, он увидит скелет, а когда он посмотрит через сапог своего солдата – он увидит русскую красавицу...*». Или бред мании преследования у солдата стройбата, который считал, что он адмирал, которого преследуют наемные убийцы. Он подозревал всех, в том числе и меня. И на всякий случай подкупал меня, нарвавши бумажек и принося их под видом толстой пачки купюр. Я никогда не орал на пациентов, свои «боевые» навыки применял крайне редко, только в случае необходимости. Так произошло, когда один солдат, уже выздоравливавший, сообщил мне, что звонят в дверь. Входную дверь в здание отделения открыть мог только я, поэтому я вышел в коридор – там за дверью никого не было. Вернувшись, я продолжал пересчитывать собранные ложки – после обеда я их собирал и прятал, чтобы их не использовали как оружие. Он опять подошел и сказал: «*Ты что не слышишь, звонят!*», я решил, что опять не услышал звонка и пошел проверить – там опять никого не было! Когда я вернулся в палату, увидел его хитрый взгляд и сразу понял, что он меня разыгрывает, услышав хихиканье за моей спиной других больных, внимательно следящих за нашим «поединком». Поняв, что мой авторитет может быть подорван (а это опасно, так как после этого начались шутки: «*Вот сейчас отберем ключи у тебя и разбежимся!*» – кроме меня вечером в здании была только медсестра), я стал внимательно следить за этим пациентом. И когда он придумал очередную «подлянку», я с размаху ударил его по уху. Он был намного крупнее и сильнее меня, но как-то сразу осекся и всегда после этого бежал мне помогать, если нужно было кого-то придержать во время припадка. Был там парень из дисбата³⁰ с острова Русский, который практически все время лежал, уставившись в потолок. И когда кто-то из матросов начал бахвалиться, что ему-де «*по херу*», где служить, он повернул голову и тихо, но внятно сказал: «*Был бы там, так не говорил*» и опять замолчал надолго.

За сутки удавалось поспать часа два-три, по очереди с опытной пожилой медсестрой Клавой, запершись в карцере, если там никого не было, хотя этого не полагалось. Ели мы то же, что и больные, и для студента это тоже был плюс. Ушел я с этого хлебного, но опасного места не по своей воле – умерла моя бабушка, которая меня вырастила, и я улетел на Кавказ на ее похороны. Вспоминая эту историю, думаю, что сейчас бы я на такую работу не решился. По молодости все воспринимается совсем по-другому. Когда много лет позже я был в гостях у своего австралийского приятеля на острове Тасмания, я встретил молодого русского парня, который жил у него в доме и учился в университете. Подрабатывал он в баре «вышибалой», поскольку был спортивен и здоров «как бык».

²⁹ ⁹ Стипендия у меня блей.

³⁰ Дисциплинарный батальон, куда попадают солдаты и матросы за серьезные нарушения устава и законодательства.

Он рассказал, как однажды ударил пьяного клиента лицом об коленку за то, что тот бил стаканы об пол бара. Его уволили, и он, обдумав все, понял, что бить человека за то, что он бьет стаканы, нехорошо. «В процессе» это в голову ему не приходило. Парень рассказал, как, уезжая в годы «дикого капитализма» (шел 94-й год) с острова Сахалин, он увидел, как пожилого владельца «Запорожца» забили «быки», выскочившие из «мерина» (мерседеса, а может «бумера» – БМВ), который он поцарапал.

После нескольких лет жизни в Австралии, где расслабленные «оззи» – австралийские мужики, вышедшие разбираться друг с другом из бара, в худшем случае трясут друг друга за грудки, ему было дико вспоминать этот случай³¹.

³¹ В эти же годы я наблюдал с австралийцами, как один «браток» во Владике в ресторане на своем дне рождения застрелил другого.

4

Почти двадцать лет «по морям, по волнам, нынче здесь, а завтра там...»

После окончания Дальневосточного университета, в 1976 году, мы праздновали это выдающееся событие в ресторане «Зеркальный». Я уже знал, что поступлю работать в Тихоокеанский научно-исследовательский институт рыбного хозяйства и океанографии (ТИНРО) и уже стал его патриотом³². Мы, выпускники, много раз поднимали тосты за наше будущее – в стенах этого достойного заведения, и к концу вечера я был «никакой». Народ «поддал» прилично, я даже помню одного из наших будущих преподавателей, который приставал к моей сокурснице, говоря ей: «*Ты думаешь, я профессор почвоведения? Нет, я профессор в любви!*». После банкета моей будущей жене Наташе пришлось тащить меня на себе, пытаясь поймать такси, чтобы доставить до дома. Потом ей пришлось попросить помочь двух парней, выгуливающих овчарку. И пока они меня тащили, собака, видимо, сторонница трезвого образа жизни, кусала меня за ноги сзади, чего я совершенно не чувствовал. И был крайне удивлен, обнаружив синяки у себя на лодыжках, встав утром с глубочайшего похмелья. Этот прискорбный случай (никогда больше я так не напивался в жизни!) нисколько не убавил моего энтузиазма по поводу работы в ТИНРО. Во многом это произошло благодаря тогдашнему молодому директору ТИНРО С.М. Коновалову³³.

Впервые я увидел его, когда он прыжками поднимался по лестнице старого здания ТИНРО (теперь краеведческий музей им. В.К. Арсеньева). Он пронесся в свой кабинет, продиктовал свой первый приказ секретарше и выскочил на улицу, где его ожидала черная «Волга». Про него говорили разное, но для нас, молодых ученых, он был примером и поддержкой – лауреат премии Ленинского комсомола, доктор наук, он не был надменным и всегда старался помочь молодым. Поскольку Владивосток был закрытым для иностранцев (и не только) городом, многие международные мероприятия проводились в Хабаровске или в Находке. И когда в 1979 году в Хабаровске прошел Тихоокеанский конгресс, Коновалов дал нескольким молодым ученым, включая меня, приглашения на этот представительный форум.

В то время, «рассвет застоя», все эти встречи строго отслеживались КГБ и партией, и попасть туда было совсем непросто. Там впервые мне удалось попрактиковаться в английском языке с иностранцами, в основном почему-то новозеландцами – семьей Элиота Доусона, специалиста по ракообразным из Веллингтона. Они восторгались Хабаровском, рекой Амур и советским мороженым – как они сказали, самым лучшим в мире! И очень удивились, когда я сказал, что я не видел знаменитый фильм о России – «Доктор Живаго» по роману Пастернака. После конгресса они проехали из Владивостока в Москву по транссибирской магистрали и прислали из Веллингтона мне восторженное письмо. Потом мы переписывались, и Элиот, писавший обзор по крабам, попросил меня подобрать ему научные публикации на русском языке по крабам в дальневосточных морях, что мне было категорически запрещено моим непосредственным начальством. Он-де шпион и все это «происки империализма». Позже Доусон прислал мне в дар эту работу – толстенный «кирпич», обзор всех работ, которые были опубликованы по крабам (включая и российские публикации). Мне было ужасно стыдно, что не смог ему помочь, но послушаться начальства в этот раз я не решился. Но с иностранцами контакты продолжались – в частности, я поехал в Находку на международную конференцию по морским наукам, где встретился с будущим послом России в США – доктором В.П. Лукиным,

³² А позднее, уйдя из института, «рenegатом».

³³ Судно «Профессор Коновалов» так и не было достроено, позже его «пустили на гвозди».

и даже пришлось переводить для академика В.И. Ильичева, тогдашнего президента ДВ отделения Академии наук. Дело было во время обеденного перерыва, когда я пробежал мимо его столика, где он восседал с его женой и важным иностранным гостем – издателем одного научного журнала в Германии. Гость передвигался на костылях с помощью своей жены: как мне сказали, до того как заняться книгопечатанием, он был шахтером, и его завалило в шахте. Жена академика, не говорящая ни на английском, ни на немецком, попросила передать гостю, что они приглашают их на рыбалку на яхте. На что немка сообщила, что они *«против рыбалки, так как это убийство ради развлечения, что у них около дома в Германии есть прудик, где плавают золотые рыбки – и они ими любят»*. Но супруга Ильичева не унималась и сообщила, что они скоро собираются в Германию, и она просит разрешения поудить рыбу в их пруду. Шутка явно не удалась, и немец, помрачнев, сказал с шахтерской прямоотой: *«Лучше не приезжайте!»*. Культурный шок, не правда ли?

Мой первый рейс – уже как ученого, а не как студента, состоялся в 1975 году с одним из двух моих будущих руководителей из Всесоюзного института рыбного хозяйства и океанографии (ВНИРО) – Борисом Георгиевичем Ивановым на борту бортового тральщика английской постройки под названием «Пелагида» (фото 8). Рейс проходил в западной части Берингова моря (позже перешли в Охотское), где мы делали донную траловую съемку – изучали распределение углохвостой и северной креветок, крабов и брюхоногих моллюсков – трубачей. Углохвостая креветка у мыса Наварин и у Корякского побережья образовывала плотные скопления – уловы достигали 10 тонн на получасовое траление! Но ее численность изменялась довольно сильно, и в дальнейшем я защитил по ней свою диссертацию, пытаясь понять ее миграции, питание, роль в экосистеме Берингова моря, и т. п. Рейс мне запомнился заходом в бухту Провидения, купанием в Охотском море при температуре +2–4 градуса, а также ночным «пробиванием» сквозь паковые льды, благо что корпус судна был клепаным и очень прочным! Потом было еще много экспедиций, как рядовым ученым, так и начальником рейса, о чем я и постараюсь поведать моему читателю, если еще не утомил его до смерти!

В 1978 году на борту научно-поискового судна (НПС) «Профессор Дерюгин» мы наводили на скопления креветок большие траулеры, работающие в этом районе. Благодаря этому было выловлено около 11 тыс. тонн углохвостой креветки, из которых, правда, 9 тыс. тонн протухли в трюмах судов-рефрижераторов, так как не был выдержан температурный режим. Руководил экспедицией Николай Алексеев, о котором речь ниже. Ловили помногу, выполняли план и морозили нежную креветку целиком так называемой «соломой», второпях. Из-за этого кое-кто из руководителей Дальрыбы получил «по шапке», но этим дело и ограничилось. На борту «Дерюгина» же у нас были технологи, которые пытались приспособить машинки для шелушения криля (мелкого антарктического рачка) для креветки. Это им не удалось, зато они разработали так называемые эжекторы, которые отрывали голову (так называется – сорри) от хвоста креветки. И уже эти хвосты шли в заморозку, фасовались в виде небольших килограммовых брикетов. Это позволило избежать порчи креветок, так как раздавленные в голове креветки желудок и печень быстро приводили к почернению их мяса. После рейса несколько тонн этих брикетов были переданы на реализацию во владивостокский магазин «Океан», где их буквально в несколько дней расхватили домохозяйки! Колю Алексеева не наказали, и впоследствии я еще не раз встречал его на просторах северной части Тихого океана. Позже, в годы перестройки, он как-то умудрился получить в аренду два новых супертраулера, построенных в Николаеве: «Восточное окно 1» и «Восточное окно 2». И увел их к южной Африке ловить ставриду. Я совсем забыл его, но много позже в Австралии меня спросили: *«Может ли рыбацкое судно называться “Окно”?»* И я вспомнил о Коле – оказалось, он переехал в Намибию и там следы его теряются... Говорят, он закончил свою жизнь охранником автостоянки, превратности судьбы!

Во время одного из моих шестимесячных рейсов на мощном траулере «Мыс Бабушкина», практически без заходов в наши и иностранные порты (мы только брали воду в бухте Русской с ее удивительными снежниками на Камчатке), мы работали на свале глубин у берегов Японии и в районе подводного Императорского хребта. Рейс был тяжелый как по погодным условиям, так и по психологической атмосфере, царившей на борту. Для понимания, ситуацию хорошо отражает один из любимых мною анекдотов:

Мужчина все время ходил в один и тот же общественный туалет в центре города, и там постоянно работала уборщица – баба Маня. А потом она исчезла. А через некоторое время он обнаружил ее в другом туалете, на отшибе.

– Баба Маня, ты что тут делаешь? Почему тут?

– Пришлось уйти, милоч – там такие интриги, такие интриги!

К концу рейса количество доносов, разборок, склок достигло внушительных пределов. Я жил в каюте с приятелем, который в конце рейса стал почти моим врагом после того, как выбросил мои научные материалы – маленькие пенициллиновые бутылочки с неописанными еще наукой личинками креветок – за борт. И все потому, что они мешали ему вести заготовки «для дома, для семьи» печени трески, которую многие закатывали в большие стеклянные банки! Не способствовал дружеским отношениям и наш конфликт по поводу климата в каюте. Он включал обогрев на ночь «на всю катушку», укрываясь с головой. Я, одурев от жары, ночью вставал и выключал отопление и открывал иллюминатор, утром обнаруживал задраенный наглухо иллюминатор, включенную печку и товарища, накрытого с головой верблюжьим одеялом.

Но самый продолжительный и глубокий конфликт существовал между старшим гидрологом Костей и химиком Тамарой. Костя, нужно отдать ему должное, весь рейс обращался к ней сугубо официально, на «Вы», на что обычно следовало что-нибудь истеричное, типа: «А мне на тебя насрать, ты говно, говно!» И это притом, что, как говорила сама Тамара, в ее семье слова, написанные на нотах: «*Играть темпераментно*» считались верхом неприличия. Я, решив пошутить, подсунил Тамаре ранние довольно вольные стихи лауреата ленинской премии Мариэтты Шагинян³⁴, выдав их за свои: «*Мужчина – откуда вышел – туда всю жизнь стремится...*». И когда она погналась за мной со сковородкой в руке (черт его знает – где она ее взяла!), еле убедил ее, что «эта пошлятина» написана не мной, показав красную с золотым тиснением книгу из судовой библиотеки³⁵. В течение этого и последующего рейсов на борту НПС «Геракл» мы проводили траления на глубинах до 1300 метров у Японии, Курильских островов и в центральной части Охотского моря. Поражали размерами гигантские ветки гидродных кораллов, целые леса которых росли на склонах подводных гор, и золотистые и красные глубоководные креветки и крабы, доставаемые тралом со дна. Так как я занимался изучением именно крабов и креветок, мне приходилось иногда с боем забирать их у траловой палубной команды, которые считали их своей законной добычей. Уговоры, что после биоанализа я их верну, не всегда действовали.

Один раз мне пришлось идти на «шкерочный»³⁶ нож горячего младшего тралмастера, с упорством ученого фанатика пытаюсь произвести биологический анализ крупного глубоководного «золотого королевского» (равношипного) краба!

Но вернемся к такой категории, как ученые рыбохозяйственных НИИ, будь это ТИНРОВцы (от аббревиатуры ТИНРО – Тихоокеанского НИИ рыбного хозяйства и океанографии), ВНИРОВцы или ПИНРОВцы (Всероссийского и Полярного НИИ рыбного хозяйства и океанографии, соответственно). Мне, конечно, наиболее близки и знакомы ТИНРОВцы, как выразился мой коллега – океанолог Андрей Тишанинов (пишущий замечательные эссе – я такие

³⁴ Хорошо известной старшему поколению.

³⁵ Цитируется по памяти.

³⁶ Нож для разделки рыбы.

писать не умею!): *«Бывших ТИПРОвцев не бывает»!* Я уже частично писал об их гусарстве, хозяйственности, своеобразном юморе, иногда напоминающем юмор висельника, ведь в море вкалывать приходилось по 18 часов в сутки – 8 часов на вахте как ученый, потом подвахта – в рыбцеху или «на перегрузе» (фото 9). Взять, например, «добытчика» – специалиста по орудиям лова Геннадия Адуева, который позднее учился со мной в Севастополе на «гидронавта». Он как-то рассказал, что каким-то образом оказался руководителем советской делегации в США, где, изрядно поддав, представлялся американцам как *«бич» (бывший интеллигентный человек) со Второй речки Владивостока»*. При всем при том, из Севастополя он увозил полный чемодан книг, которые он искал на книжных развалах – пил он много, но и читал запоем! Некоторые мои коллеги по лаборатории промысловых беспозвоночных (т. е. моллюсков, ракообразных, иглокожих) тоже отличались своеобразным чувством юмора, например Дима Ковач, говоривший болтливому не в меру собеседнику: *«В морге болтать будешь, ногами»*, или Сергей Дураченко, который ушел позднее в тибетскую медицину (как и защитивший диссертацию по токсикологии Володя Терновенко, лечащий меня «травками» по сей день), увидевши особо модного коллегу, пришедшего из заграничного рейса, одобрительно ронял: *«Наглухо вкованный чертила!»*. Вспомнились и интеллигентная пожилая дама – Мария Сергеевна Кун, зав. лабораторией гидробиологии, которая в компании вполне могла отпустить рискованную шутку или рассказать анекдот. Например, такой: *«Мужчина забегает в почти пустой трамвай, кидается к молодой женщине, охватывает ее руками, кладет ей голову на плечо. На вопрос ошеломленной женщины: «Что вы делаете?» – отвечает вопросом на вопрос: «А что – давка разве еще не началась?»* И завлаб аквакультуры двустворчатых моллюсков – Юрий Эмануилович Брегман, который, даже будучи вне себя от злости на кого-то из сотрудников, мог – в лучшем случае, голосом флейты – сказать: *«Имярек – суука»!* Но был среди наших сотрудников и представитель так называемой «третьей смены» – владивостокской «мафии», Сергей Филев по кличке «Фил». Он, будучи к.м.с. по боксу, отсидел за непредумышленное убийство, после этого взял себе в привычку говорить собеседнику: *«Ну, ты, в натуре, как на зоне!»*. Сергей славился тем, что в колхозе, куда нас по разнарядке райкома КПСС посылали собирать помидоры или огурцы, мог на танцах биться один с целым взводом местных драчунов. Колхозные приключения толкали некоторых коллег на поэтическое творчество. Так, Сергей Золотухин, ученый-лососевик талантливо описал нашу работу в деревне Сибирцево «на огурцах». Директором сибирцевского совхоза тогда был, как ни удивительно, человек по фамилии Леонид Лихерман. Постараюсь воспроизвести произведение Сергея как можно точнее, если ошибусь, простите великодушно – с тех пор минуло более 30 лет:

*«Эх, Рязановка, Кронштадтка» – то для нас совсем старо,
Нынче всех и без остатка «Лихерманка» бьет в ТИПРО!
Как у Лени Лихермана ни «рыбья», ни «кальмарья»,
Так зачем в субботу рано сам сюда приехал я?
Доктора и кандидаты в поле трудятся уже,
Буквой «зю» стоя в меже,
Я пытаюсь постоянно по картине здешних мест
Дать оценку Лихерману,
Хер ли Ман?
Да вроде нет!»*

Тут у меня обрыв в памяти и далее:

*«...Не пора ль на Лихермана свой «манлихер»³⁷ зарядить?...
Я возьму большую ванну, разведу там злых мурен,
Лихерману, Лихерману пусть они откусят хрен!»*

Грубовато, но талантливо, не правда ли?

Вспоминаю также, как некоторые ТИПРОвцы бегали на лекции Оле Нидала – датского учителя школы буддизма Карма Кагью. Он терпеливо по несколько часов отвечал на вопросы аудитории. Одним из вопрошающих был мой коллега – Алексей Голенкевич, задавший Оле интересный вопрос: не портит ли он себе карму, способствуя своей деятельностью умерщвлению осьминогов – «приматов моря» (как их называл И. Акимушкин), которых изучал? Оле ответил, что: *«Уже то, что вы задаетесь этим вопросом – хорошо!»*. Кстати, Алексей, позже вернувшись в Ташкент (где он до этого закончил университет), организовал там выгодный бизнес по выращиванию черепах для продажи коллекционерам. И построив большой дом с садом и гаражом на две машины, через несколько лет продал все это за копейки, чтобы – по моему предложению – присоединиться к нашему полевому офису в Мурманске в качестве координатора по устойчивому рыболовству (морской программы) WWF. И мы довольно много сделали вместе, о чем я еще напишу. В общем, людей в ТИПРО интересных было много (и наверняка есть сейчас), и прошу прощения у тех, кого не вспомнил – воспоминания мои носят вполне «рандомный» характер.

Вернувшись из очередного рейса, я решил, что пора заканчивать мою холостую жизнь, и сделал предложение моей будущей жене, Наташе. В промежутках между экспедициями я успел все-таки отбить ее у первого мужа и ряда поклонников, и мы сыграли шумную свадьбу. В процессе свадьбы, каюсь, я и мой свидетель зазевались и – мою невесту украли! И мне, как жениху, пришлось «выкатить» похитителям изрядный выкуп. Кроме красавицы невесты в награду мне достался сын от первого ее брака, которого я усыновил. Он стал носить мою фамилию по своему желанию и называть меня отцом. Много лет спустя, выступая в суде по поводу угона нашей машины, он столкнулся со своим «кровным отцом», перековавшимся из биолога в юристы и защищавшим в суде угонщиков. Представляю, что испытывал Алексей, слыша, как его родной сын, Кирилл, говорил обо мне как о своем отце! Находясь много времени в море, я не мог уделять ему достаточного внимания, но он, в основном благодаря усилиям моей жены, вырос достойным человеком.

После обучения в Севастополе на «подводного наблюдателя» и водолаза-совместителя (фото 10) на Севастопольской базе по подводным исследованиям «Гидронавт» (СКБП) Министерства рыбного хозяйства (Минрыбхоза) СССР я уже был готов к работам с подводной техникой, которую Министерство планировало направить на Дальний Восток. Из-за своей настырности, если не ошибаюсь, я стал первым дальневосточником, который пошел под воду в подводном аппарате. Хотя мой завлабораторией, В.Е. Родин, на мои просьбы отвечал: *«Куда? В Севастополь учиться на подводного наблюдателя? На БАМ³⁸ тебя!»* И неизменно посылал меня в колхоз – «на картошку», несмотря на то, что я только что оттуда вернулся! Но я все же «прорвался» и прошел обучение на базе Севастопольской базы по подводным исследованиям (СКБП) Минрыбхоза СССР, получив вожделенные корочки как наблюдателя, так и водолаза-совместителя. Что мне очень пригодилось в дальнейшем.

Начиная с 70-годов Минрыбхоз начал заказывать автономные и буксируемые обитаемые подводные аппараты. Примерно в это же время в ДВО АН СССР начали создавать необитаемые ПА. Все это дало мощный толчок подводным исследованиям биоресурсов океана, особенно на богатейшем шельфе Дальнего Востока. Было проведено несколько экспедиций с использова-

³⁷ Австрийская винтовка.

³⁸ Байкало-Амурская магистраль, которая как раз в это время строилась.

нием ПА в интереснейших районах западной части Берингова и Охотского морей, у Курильских островов и в Японском море. Автор участвовал в трех рейсах судов-носителей «Гидронавт» и «Гидробиолог» с подводным аппаратом «ТИНРО-2» (фото 11). Как написал наш гидролог Шура Шутенко на черновике отчета: *«Наши лозунг – Служим Минрыбхозу!»*

«Окрабим, окреветим и обрюхоножим все население СССР³⁹!». Как и многие севастопольцы, он обладал удивительным чувством смешного, даже там, где смеяться вроде как было и не над чем. С некоторым чувством зависти к более удачной семейной жизни другого коллеги – подводного наблюдателя Валеры Фейзуллаева по кличке «Фейс⁴⁰», он пародировал супругу «Фейса», которая любовно приговаривала: *«Валерика-лапулика» так болела, так болела!*», стоит только Валерке подхватить легкий насморк. В море Шуру толкала «сребролюбивая» жена, которая уже после двух недель пребывания его на берегу начинала «нудить»: *«Шура – иди в рейс, деньги нужны!»*. Так он и не вылезал из рейсов, «отдав концы» внезапно в Охотском море от сердечного приступа.

Благодаря знаменитому фильму «Титаник» и отлично снятым документальным фильмам, широкой публике хорошо известны подводные аппараты «Мир» и «Пайсис», принадлежащие Академии наук. Гораздо менее известны аппараты, созданные для рыбохозяйственных исследований: подводная лаборатория (ПЛБ) «БЕНТОС», «Север-2» с глубиной погружения 2000 метров, «ТИНРО-2», «Лангуст», «Омар», буксируемый аппарат «ТЭТИС». Аппараты были надежные, хотя и не столь продвинутые, как построенные за границей «Пайсисы» или «Миры». Так, например у «рыбных» гидронавтов вызывает улыбку растиражированная телевидением «вольтижировка» водолазов при закреплении подхватов при подъеме «Мира» на борт. На «наших» судах-носителях подъемное устройство захватывает аппарат (ПА) автоматически, с помощью так называемого «члена Чикера», названного, как говорят, в честь адмирала Николая Петровича Чикера, который его и изобрел.

Буксируемый с помощью кабель-троса обитаемый аппарат «Тэтис», который мы осваивали в Севастополе (фото 12), позволял опускаться на движущийся за судном трал и даже заходить внутрь него. Был еще, правда, аппарат Академии наук: «Оса», созданный совсем другим ведомством, космическим. Он был похож на летающую тарелку, управлялся совсем по-другому и, по отзывам, был довольно непрактичным – сам я на нем не погружался, не берусь судить. Да, в этой сфере мы тогда, наверное, были не хуже американцев, а вот вычислительная техника была еще та. Может кто-то помнит примитивные ЭВМ – «Проминь», ЭВМ системы ЕС – громадные, неповоротливые, мигающие лампочками, потребляющие огромное количество энергии⁴¹? Тогда было трудно представить все эти айфоны, смартфоны, планшеты и что любой ребенок сможет делать то, что нам и в голову не могло прийти. Правда – взамен – вместо реального мира некоторые люди живут уже в виртуальном пространстве буквально с детства. Так, я наблюдал своими глазами, как малыш лет пяти, подойдя к окну, пытался приблизить «картинку», водя по оконному стеклу пальцами – как по экрану айфона!

Две экспедиции в 1980 и 1982 гг. в Берингово море и у Курильских островов были организованы для изучения распределения, поведения и численности креветок и крабов, брюхоногих и двустворчатых моллюсков – трубачей и гребешков-«хлямисов». Были проведено сравнение оценок численности с помощью ПА и традиционного способа – донных траловых съемок. Оказалось, что трал облавливает около четверти креветок, находящихся на грунте, что позволило увеличить оценку их запасов, а следовательно, и объема вылова. Вот пример, когда одна только цифра может дать довольно большой экономический эффект.

³⁹ От названия группы моллюсков – брюхоногие, т. е. «морские улитки» – букцидум, нептунея» и т. п. Мой товарищ – Витя Горячев занимался их определением по мужским половым органам – пенисам – и называл себя «главный пенисолог страны».

⁴⁰ Фасе – лицо по-английски.

⁴¹ А ведь была еще механическая вычислительная машинка «Феликс», которую уже никто не помнит.

Когда я на глубине 130 метров увидел черно-белое, стремительное тело кайры и возопил: «*Вижу кайру!!!*», мои коллеги на борту судна-носителя язвительно осведомились: «*А зайчиков там не бегают?*». К слову сказать, когда я проконсультировался у крупнейшего специалиста по морским птицам (и не только по ним), человека энциклопедических знаний Вячеслава Петровича Шунтова, он сказал, что, судя по наличию в содержимом желудков кайр соответствующих донных животных, это вполне возможно, так что это не было галлюцинацией. При приближении к дну можно было наблюдать миграции крабов, когда они как роботы маршируют в одном направлении, напоминая марсиан из незабываемого романа Герберта Уэллса. Это впечатление усиливается, когда ПА снижается над крабом, который принимает оборонительную стойку и, кажется, готов подпрыгнуть, бесстрашно атакуя многотонную махину аппарата. Наблюдения за крабами у креветочных ловушек позволили сделать интересные наблюдения, когда краб-стригун, размеры которого не позволяют ему влезть в ловушку, «затыкает» своим телом входное отверстие и упорно не пускает внутрь пугливых креветок, для которых, собственно, и распахнуты гостеприимно входы ловушек.

Кстати о гостеприимстве. Долгосрочные рейсы часто приводят к интересным психологическим эффектам. В районе Командорских островов я назначил погружение ПА больше из любопытства, чем по необходимости, – ведь зона островов до сих пор практически слабо изучена. Поднявшийся после погружения на борт судна наблюдатель Слава Попов божился, что видел в расщелине между скал огромного, похожего на тропического морского ежа, но не смог достать его манипулятором. Никогда не забуду выражение почти бессменного капитана и одного из создателей ТИНРО-2 – Михаила Игоревича Гирса, когда мы погружались на скопления гигантских актиний, напоминающих гигантские хризантемы, вокруг которых скапливаются крупные креветки. Увидев в непосредственной близости от иллюминатора особо крупный экземпляр актинии, он, пока я вел фотосъемку, произнес в микрофон для записи протокола подводного аппарата: «*А вот призывно открытое устье актинии!*». Да, долговременное пребывание в море не проходит даром...

Нужно сказать, что за рейс ученые в процессе биологического анализа промеряют десятки тысяч рыб и беспозвоночных, а на примерно 70 человек экипажа на борту в лучшем случае 3–5 женщин. Один ихтиолог рассказывал о своем сне, который посетил его на пятом месяце рейса, когда он увидел себя на палубе при подъеме трала. Когда трал раскрыли, из него высыпались на палубу масса трепещущих как рыбы обнаженных женщин. А он берет мерную доску и меряет их, меряет, меряет... Фрейд, по-моему, отдыхает! Правда, спорт (Фото 13), а также купание в холодных водах Охотского моря отвлекали от «грешных» мыслей. И ну-ка угадайте с трех раз, кто имел преимущество в борьбе за женское сердце?

Правильно – зачастую капитан и первый помощник капитана, так называемый помполит, в просторечье «помпа». Мне, как начальнику рейса, с помполитами часто приходилось конфликтовать, хотя это было небезопасно для карьеры. Один раз, при заходе в Сингапур, капитан и его первый помощник, составив группы по трое членов экипажа – «тройки» на выход в город, объявили, что для «соблюдения социальной справедливости» научная группа не должна гулять по городу больше, чем матросы палубной команды». Хотя для капитана судна, меня и капитана подводного аппарата явно предполагалось сделать исключение, я взбунтовался, и распоряжение было отменено. Другой помполит очень любил слушать, о чем говорят в свободное время члены экипажа, зачастую просто просовывая свою голову между говорящими. Единственным противоядием от него были разговоры о неверности жен, остающихся на берегу. Имея молодую красавицу жену, он это снести не мог и убежал в свою каюту – «страдать». Но и среди партийцев были юмористы.

Когда меня пригласили на собеседование в партком перед очередным рейсом, хотя коммунистом я никогда не был, сонный партинструктор при зачитывании моей характеристики, услышав слова: «...проходил обучение в Севастополе для получения специальности «гидронавт

– *подводный наблюдатель*», ехидно спросил: «*За подводами наблюдаете?*». Но для некоторых моих коллег эти собеседования заканчивались печально – их лишали допуска за границу «за незрелость». Правда, с наступлением перестройки влияние партии ослабело. В ТИНРО будущего замдиректора по аквакультуре Андрея Темных пригласили вместе с директором Николаем Петровичем Новиковым в райком, «на утверждение». Андрей носил пышные кудри, и партийная мадам, увидев его, решила сделать ему замечание: «*Вы бы хоть постриглись – в райком партии пришли!*», на что последовал ответ – «*Вам дай волю, вы бы и Карла Маркса постригли!*». Слава богу, партия была уже «на излете»...

Встречи в море всегда событие в довольно однообразной жизни на борту, и я с радостью узнал, что параллельно с нами на борту СРТМа работает мой коллега – Олег Булатов. Связавшись с ним по рации, я узнал, что у них разбились все термометры, а работать им было еще долго. Наши же работы в Беринговом море заканчивались, и я решил поделиться ими с товарищем. Мы, как теперь говорят, «сбили стрелку» по рации и ждали их недалеко от бухты Натальи Корякского побережья. Был вечер, и я, решив, что им уже пора бы и подойти, высунулся в иллюминатор и вдруг увидел несущийся на меня светящийся, как новогодняя елка огнями, пароход! Еле успел убрать голову, как СРТМ, стукнув наш борт так, что все загремело, пролетел мимо – что-то там у них не сработало с задним ходом... Передав Олегу термометры, я заглянул к нему в каюту. Несмотря на то, что он был, как и я, «начальником рейса», жил он в лазарете, прямо рядом с машинным отделением, так что вибрации судовых переборок не давали ему спать (хотя наши «пароходы» были примерно одного размера, у меня была отдельная каюта с душем, что считалось большой роскошью!). Вот в таких условиях зачастую делалась, да, наверное, и сейчас делается рыбохозяйственная (и не только) наука!

После работы в Беринговом море, где из-за большого количества планктона и биогео-нов аппарату часто приходилось буквально «ползти на брюхе», район Курильских островов поразил потрясающей многометровой прозрачностью воды и интересным рельефом дна. Неизгладимое впечатление оставили плотные скопления, буквально кучи гребешков, на пяточке шельфа северокурильского острова Онекотан и осьминоги, лакомившиеся ими как заправские гурманы. Благодаря сравнению численности, рассчитанной для гребешков с помощью подводных наблюдений и уловов, мы посчитали коэффициент уловистости не только для «креветочного» донного трала, но и для драги, что очень существенно позволило уточнить оценки промысловых запасов этих ценных объектов промысла. Очень интересно было наблюдать мутьевые потоки, которые поднимались с 500 до 50 метров глубины! Часто отмечался так называемый антропогенный, человеческий фактор, когда на дне наблюдались брошенные или потерянные орудия лова – тралы, ловушки, дохлая рыба, выброшенная за борт рыбаками, и даже груды банок с консервами. В этом случае обычно говорилось, что «*водоем заантропогажен*»... и это отмечалось в протоколе погружения.

У острова Итуруп, во время водолазной станции, когда у меня закончился в баллоне воздух, поднимаясь на борт водолазного бота, я услышал интересный диалог между судоводителем и кем-то из водолазов:

– *По-моему, что-то коричневенькое в кустах, наверное, медведь.*

– *Нееет – это не медведь....*

И когда кусты стланника раздвинулись, это оказались гнедые лошади, на которых восседали довольно дикого вида пограничники... «*Приказ начальника заставы доставить вас к нему!*» – закричал один из них, – «*при неподчинении приказано открыть огонь!*» (по мне уже стреляли трассирующими пулями – пренеприятнейшее ощущение, я вам доложу). Поэтому мы подошли к берегу, и я, сидя на носу лодки, попытался объяснить: «*У нас документы на борту, позвольте нам съездить за ними, или приглашаем вас на борт – мы не планировали высадку на берег*»... Но пограницы были неумолимы – приказ есть приказ... Пришлось мне сдаться на милость победителя и «проследовать» на заставу. Несмотря на критичность ситуа-

ции – а старпом по рации уже сообщил на борт, что начальник рейса арестован, члены экипажа не утратили свойственное всем южанам «списуальное» чувство юмора. Капитан объявил по громкой связи: *«Начрејса арестован – ужин на него можно не готовить!»*. Потом я вызвал немалое веселье на боте, пытаясь в скользком мокром гидрокостюме влезть на лошадь без седла, но, в конце концов, пограничники тоже спешили, и я под дулом автомата был отконвоирован на заставу. Часть из них остались сторожить наш бот, хотя вряд ли мои товарищи бросили бы меня на произвол судьбы... Начальник заставы, правда, оказался милейшим человеком, закончившим несколько лет назад московское пограничное училище. Он с явным сожалением отказался от посещения судна, хотя «диверсант» в японском гидрокостюме и совращал его, как мог, перспективой увидеть маленькую “yellow submarine” (наш подводный аппарат был выкрашен в желтый цвет) и отведать наших разносолов и спирта, коего на протирку легочников аквалангов нам выдавалось великое множество. Мы даже не успели произвести обмен «картошку на рыбу», так как к нему должно было нагрянуть начальство на вертолете, а нам нужно было спешить в «бананово-лимонный» Сингапур⁴² на бункеровку перед переходом на базу в далекий Севастополь. Вернувшись на борт, мы, не мешкая, подняли якорь и подались на юг.

Ночью, при прохождении пролива Лаперуза, мне позвонил капитан. Обычно спокойный, как мороженный минтай, наш Корнейч был озабочен и сказал: *«Дите (он меня неофициально так называл, мне было лет 30, но он был в два раза меня старше), мы получили сигнал «SOS» – рыбацкое судно намотало на винт кошелек и дрейфует на скалы»*. Мы, поскольку погода была ветреной, отбуксировали рыбацкое судно за мыс. И приступили к очистке лопасти его винта от накипевшего на них капрона. Нырjali по очереди, но ножи тупились довольно быстро, и их точили прямо на палубе. Прошло несколько часов, и винт был свободен. Замерзши как собака, я поднялся в каюту Корнейча, где капитаны вели обстоятельную дискуссию о подписании акта о спасении судна за «рюмкой чая»... Колхозный капитан предлагал рассчитаться наличкой, чтобы не заниматься «бюрократией», наш – стоял на «букве закона», надеясь получить причитающееся вознаграждение (которое мы, кстати, так и не получили!). Мне дали громадный бутерброд с красной икрой и налили стакан водки, для «сугрева». Три опорожненные капитанами бутылки уже катились по каюте. Подписав необходимые документы, мы заспешили на бункеровку в Сингапур, опоздание куда грозило нам неприятностями.

Про благословенный город Сингапур, его чистоту, удивительную архитектуру и аромат написано столько, что я опущу описание моих первых впечатлений от него и перейду сразу к нашим приключениям в Аравийском море (нужно отметить, что по дороге в Севастополь я насчитал не менее 14 морей, которые мы пересекли). После Цусимы в Восточно-Китайском море у нас на судне жила три дня ушастая сова, отдыхая на перелете. Шел 1982 год, и похороны Брежнева застали нас у берегов Йемена, на подходе к Баб-Эль-Мандебскому проливу, где мы остановились на минуту молчания. (*«Баб-Эль-Мандебский пролив, дядя, – это самое гиблое место на Земле!»*), как было сказано в одном популярном советском фильме, помните?). Тогда еще не было череды похорон верховных старцев, которые потом стали повторяться с небольшими интервалами, вызвав целую серию грустно-ироничных анекдотов:

– *«Какой любимый спорт в Политбюро? – Езда на лафетах»*

Или:

– *«Товарищ, куда вы рветесь через оцепление на похороны Генерального секретаря? У вас есть пропуск?»*

– *«У меня абонемент!»*

Судно дало продолжительный гудок в память о Брежневе, мы стояли на палубе, и в это время появился патрульный американский самолет, который на бреющем полете несколько раз заходил на нас, видимо, фотографируя наши скорбные лица. Но несмотря на все усилия

⁴² Где, кстати, лимоны и не растут – там слишком жарко.

помполита, музыка звучала почти в каждой каюте! Немного жалко было дедушку Брежнева, привыкли мы к нему, но лихорадка меломании охватила тогда всех! Команда, набрав в Сингапуре магнитофонов-двухкассетников и кучу кассет с любимыми исполнителями, поющими «пестни» нашей молодости – Битлы, Абба, Саймон и Гарфункель с их знаменитым – «Высоко кондор летает» – «El Condor Pasa», Элтон Джон с не менее известной «Дорогой из желтого кирпича» – «Yellow Brick Road», Пинк Флойд с «Темной стороной луны» – «Dark Side of the Moon», очаровательно хриплый Род Стюард и темнокожие красотки – Донна Саммер (Donna Summer) и Шейд (Shade). А я «встрял» в музыку стиля блюз – особенно в творчество Би Би Кинга – с легкой руки моего севастопольского коллеги и друга Валеры Петрова. Хотя слушали и таких певцов того времени, как Валерий Ободзинский и Муслим Магомаев – непревзойденные на мой взгляд таланты, каких сейчас просто нет! Покупали все, чего не было в советских магазинах. Я, например, купил ментоловые таблетки «Тик-так», думая, что это какое-то волшебное средство «от сердца», а некоторые члены экипажа, готовясь к заходу в порт, скупали в лавках некую «хрень-мазь», я думаю, вы понимаете, зачем.

При прохождении острова Миникой в Индийском океане, красивого, зеленого, привлекательного, несмотря на то, что, судя по лощи, этот остров ранее служил колонией для больных проказой, так хотелось под его пальмы на золотистый песок! Финиковые пальмы Суэца, минареты и пряничные домики, лепящиеся на склонах Стамбула, так и притягивали взгляды после серых «хрущевок» нашей родины. И хотя мы также видели на берегах Суэца глинобитные норы бедняков, лодки, подвозившие к нам лоцманов и «вочменов» (watchmen), клянчивших все что попало, цветистый Восток привлекал, манил. И когда при прохождении Босфора наш помполит сказал: «*Да-а-а, не такой хотел бы я видеть Турцию!*» мы, собравшиеся на палубе, спросили: «*А какой??*» Ответ был – «*Социалистической!*» Все так и «грохнуло!» Тогда еще не было массового исхода из СССР, и почти ничего не предвещало краха системы. Поэтому, замороженные пропагандой, мы не мыслили о том, чтобы сбежать за границу. Позже я прочитал об ученом Славе Курилове, который в 1974 году прыгнул за борт круизного судна и 3 суток плыл в океане (позже он написал об этом книгу «Один в Океане»). Слышал я и страшные истории о людях, которые прыгали за борт с аквалангом, пытаясь уйти из «советского рая», а капитан и помполит отдали приказ ходить по этому месту и рубить «изменника Родины» винтами, каково? Сейчас это звучит дико, а тогда многие воспринимали это с одобрением. Недаром еще 21 ноября 1927 года, по информации «Новой газеты», ЦИК СССР (высший орган государственной власти) постановил: «*Лица, отказавшиеся вернуться в Союз ССР, объявляются вне закона. Объявление вне закона влечет за собой: а) конфискацию всего имущества осужденного, б) расстрел осужденного через 24 часа после удостоверения его личности. Настоящий закон имеет обратную силу*».

Однако вернемся в Суэцкий канал. Гигантские суда, идущие в обратном направлении, когда мы зашли в озеро, чтобы их пропустить, отделенные от нас полосой песка, казалось, плывут прямо по дюнам. Те лоцманы и «вочмены»⁴³, которые сели к нам на борт, хотя были очарованы пышными формами нашей поварахи Раечки, есть нашу пищу отказались и потребовали отдельно им готовить. Мы решили выдать им продукты сухим пайком, и я, со вторым помощником, спустился в трюм, чтобы они выбрали, что разрешает есть их религия. Когда мешок заполнился, включая блок перемороженной камбалы, чудом сохранившийся еще с Дальнего Востока, толстый араб сказал своему длинному напарнику: «*Ты носи мешок, я – босс!*». Но длинный был противоположного мнения, и сказал: «*Я – босс!*». Последовала перепалка на арабском языке в лучших традициях фильма Леонида Гайдая «Бриллиантовая рука», после которой длинный, недолго думая, врезал между глаз толстому. Тот сразу понял, «кто босс», и, схватив мешок, живо побежал на палубу. Готовя себе еду на палубе, они, причмокивая и шел-

⁴³ Охранники-наблюдатели.

кая языком, провожали нашу повариху Раечку восхищенными взглядами, когда она проходила мимо них в коротком халатике. Лоцман тоже не сводил с нее взгляда, так что я даже боялся, что мы сядем на мель. В Босфоре турецкий лоцман вел себя более сдержанно, но тоже сказал, что такая женщина очень дорого стоит, если жениться, – калым придется платить большой. Поэтому женятся они поздно, лет в 28–30, когда уже встанут на ноги, имеют хорошую зарплату и собственный дом.

В 1986 году я опять оказался на борту «Гидронавта» в Японском море. Опускали подводный аппарат (ПА), наблюдая крупных гребенчатых креветок, крабов, опускали дночерпатель, драгу, наблюдали за поведением крабов и крупных креветок у ловушек и гигантских актиний (Фото 14). Мне даже удалось поймать одну из креветок рукой-манипулятором! В заливе Петра Великого (Японское море) уже сам ПА был пойман в трал одним из судов, ведущих донный промысел рыб. Находясь на борту судна-носителя, мы, беспокоясь о жизнях наших двух товарищей, срочно связались с «удачливым» капитаном и потребовали, чтобы он осторожно «выбрал»⁴⁴ трал. После этого наши водолазы подплыли к всплывшему аппарату и освободили его от сети. Он самостоятельно подошел под борт нашего судна-матки. На следующий день слышали в эфире диалог двух капитанов, щедро сдобренный ненормативной лексикой:

«Ты, говорят, какую-то хрень поймал?» – «Ага, какой-то вельбот переделанный – шпильки, наверное, но большие я там тралить ни в жисть не буду!».

Работая у северного Приморья, мы зашли ненадолго в поселок Рудная Пристань. Я пошел собирать землянику, а когда вернулся, обнаружил нескольких наших «гидронавтов» во главе со стармехом Борей Нечаевым в веселом состоянии духа, что-то живо обсуждавших между собой. Оказалось, что они, идя по улицам поселка, набрали на дом, где на веранде за накрытым столом сидели девушки, а во дворе несколько мужиков крушили друг другу ребра штакетинами от забора. Осторожно обойдя их, они поднялись на веранду и были приглашены за стол. Оказалось, что это геологическая партия празднует день рождения одной из девушек, и их мужики выясняют, кто главнее, прямо как упомянутые арабы в Суэце! Нужно ли говорить, что девушки потом пришли на причал и долго махали нам вслед платочками (некоторые были почему-то с годовалыми младенцами на руках)... После работ на севере Приморья мы опять спустились в залив Петра Великого, зашли на остров Попова пополнить запасы перед броском на запад – пора было возвращаться в Севастополь, на основную базу. За время рейса продолжительностью около четырех месяцев «ТИПРО-2» прошел под водой расстояние, равное дистанции от Петербурга до Севастополя!

Проходя вдоль Курил, мы встретились с судном-колхозником, занимающимся приемкой лосося на переработку. Рыба вспарывалась, икра солилась в бочки, а вспоротые тушки летели за борт. Мы подошли и обменяли кое-какие продукты на лосось, которым нам засыпали всю палубу – все равно выбрасывать! Два дня шла засолка, свежайшую рыбу ели на завтрак, обед и ужин, но часть все равно пришлось выбросить – морозильные камеры-то на нашем судне были заменены на ангар для подводного аппарата. Мне тогда это не казалось таким уж диким – только много позже я стал задумываться – как не по-хозяйски мы распоряжаемся тем, что дала нам мать-природа! И та самая столица дикого лосося – Петропавловск-Камчатский много лет являл собой тогда жалкое зрелище. Только недавно, в двухтысячные, он стал перестраиваться, но все равно – видишь привычный для Камчатки контраст между золочеными куполами недавно выстроенного храма на сопке, супермаркетами и убогими в основной своей массе жилищами камчадалов. Я уж не говорю про поселки, стоящие на рыбных реках, утопающие в грязи и нищете – все деньги-то идут мимо местных бюджетов! Позже, когда я уже работал во Всемирном фонде дикой природы (WWF), мы старались помочь местным жителям принять участие в управлении своим хозяйством – был создан модельный бассейновый совет на реке

⁴⁴ Что значит поднять, вытащить.

Большой. Я рад, что Бассейновый совет, как и Коалиция «Сохраним лосося вместе», которую собрал Сергей Иванович Вахрин с нашей помощью, существуют до сих пор (в виде одноименного фонда).

До Южно-Китайского моря мы прошли без приключений, там решили погрузиться, но ничего особенного под водой из ПА не увидели – гороховый суп. Видимость почти нулевая из-за влияния речных стоков, и нам пришлось быстро брать аппарат на борт, так как надвигался шторм. Во время шторма мы наблюдали удивительное явление – пятно затишья в бушующем море диаметром 1 км! Потом опять Сингапур, который здорово преобразился за то время, что меня там не было – снесена очень большая часть старого города, намыты мысы, посажены парки, выросли новые небоскребы. Я часто думаю о том, как может существовать и так динамично развиваться город-государство, у которого нет даже собственной воды?⁴⁵ Одно осталось неизменным – бойкая торговля всем, чем можно, тогда часто невысокого качества, если не покупать это в фешенебельных магазинах, типа «Райфлз», например. В этот раз я «затарился» огромным количеством кассет с блюзами и магнитофоном-двухкассетником для их прослушивания. И конечно, всякий ширпотреб, который в СССР можно было сыскать только по большому благу: кроссовки, фен для жены, джинсы, тостер и т. п. Китайские торговцы, тонкие психологи, часто отвлекали внимание покупателей, подсовывая морякам некачественный товар в надежде, что и так сойдет. Так, наш механик ПА с характерной украинской фамилией Несправа купил обе кроссовки на левую ногу, и народ потешался: «*Ну ты действительно – Не-справа, все у тебя слева!*». Много позже – в 2015 году, когда я опять попал в Сингапур, я опять ощутил родные запахи, но старого Сингапура уже, увы, нет. Тем не менее, приятно было пройтись по ночным улицам, посидеть на набережной Льва, где я с удивлением увидел живых камчатских крабов в аквариумах, скорее всего привезенных из России. На обратном пути в аэропорт я разговорился с таксистом (с ними иногда очень интересно разговаривать). Он сказал, что в такси работают только сингапурцы – по 12 часов в день. Водитель оказался большим любителем разных кошек и когда узнал, что я из WWF, поведал, что он просто балдеет, когда ходит с детьми в местный зоопарк посмотреть на амурского тигра, но особенно ему нравится рысь сибирская! Расплатился я с ним старой банкнотой сингапурских долларов, которая осталась у меня с тех еще времен, когда мы заходили в Сингапур в 80-х. Он удивился, сказал, что давно их уже не видел в обращении, но деньги взял.

Но вернемся в 80-е годы. После перехода через Индийский океан у нас была запланирована передача оборудования на судно-близнец «Гидробиолог», работающее у берегов Йемена «на каракате», т. е. изучающее биоресурсы каракатиц и кальмаров в этом районе. Мы встретились у обрывистых берегов острова Сокотра, где я всю жизнь мечтал понырять. О погружении аппарата не могло быть и речи, а поплавать в акваланге на местных рифах очень хотелось! Но для одуревших от жары и радующихся как дети встрече экипажей толку было не добиться, а для моего коллеги – начальника «каракатного» рейса Валерия Петрова из Севастополя эти погружения давно превратились в рутину. Поэтому я не нашел понимания своего «романтического порыва» и так и не смог погрузиться в теплую как молоко воду Аравийского моря. Частично я компенсировал это перед заходом в Суэц, когда мы чистили днище судна от животных-обрастателей, чтобы увеличить скорость судна. Наша скорость была слишком мала для прохода пролива после нарастания целой бороды из водорослей, усоногих раков-балянусов и т. п. Здесь же пришлось отмахиваться скребком от небольших акул, пробувающих «на зуб» из любопытства наши ласты... Потом при встречах я мстительно напоминал Валере Петрову о том, что он мне не дал понырять у Сокотры, но обижаться на этого человека практически невозможно. С нами в рейсе был как-то Валерий Федоров – геолог из Москвы, подводный наблюдатель, написавший

⁴⁵ Ее приходится завозить из Малайзии.

книги об исследованиях с помощью подводных аппаратов, в том числе и на Дальнем Востоке⁴⁶ (он обладал обширными знаниями и впоследствии стал сотрудником государственного экологического ведомства, сделавшим много полезного для развития природоохранного законодательства нашей страны). Вместе с тем Федоров был немножко педантом и аккуратистом, даже в рейсе иногда носил костюм с галстуком, чуть ли не на палубе. Однажды он пришел на вечеринку научной группы, как всегда, в своих «доспехах». Петров, хитро прищурившись, спросил: «*Хочешь, тезка, ты запомнишь этот вечер надолго?*». Федоров легкомысленно согласился, и Петров, недолго думая, «отчекрыжил» ему галстук под самый узел портняжными ножницами... Джентльмен, биолог и математик, гидронавт и обладатель уникальной коллекции тропических «ракуханов», т. е. раковин, он обладал потрясающим чувством юмора, о котором можно говорить бесконечно. Вот только один пример. Когда мы пришли в Севастополь и отчитывались на Совете гидронавтов, один из тамошних начальников СКБП (Севастопольской базы по подводным исследованиям, которая, после распада СССР приказала долго жить), отставной капитан первого ранга, в просторечии – «черный полковник», в ответ на сетования гидронавтов о том, что техника стареет, становится опасно погружаться, сказал задумчиво: «*Все мы рискуем...*». На что последовал точный, как укол шпагой, ответ Петрова: «*Вы, любезный, рискуете только чаем поперхнуться, узнав, что мы утонули! Это МЫ рискуем!*».

Вообще, СКБП собрала под своей крышей массу интереснейших людей. Взять хотя бы капитанов аппаратов: Михаила Гирса, Леонида Пилунского, Юрия Сидоренко, подводных наблюдателей: того самого Валерия Петрова (по кличке «Дон Пэдро» за его благородный облик и элегантность), Славу Попова (вылитый Арамис из «Трех мушкетеров»), Валеру Фейзулаева по кличке «Фейс» – о нем я уже упоминал, старшего механика Борю Нечаева по кличке «Боб», гидролога Сашу Шутенко, фотографа Яглова – перечислять можно бесконечно! Последний обладал красной физиономией, был крайне нахален, но за его юмор и жизнелюбие ему многое прощалось. Например, когда у острова Сокотры подвыпивший старпом с соседнего судна, разжалованный недавно из капитанов, начал «качать права», то Яглов его быстро осадил. И на стандартный вопрос: «*Ты кто такой?*» ответил гордо: «*Я – фотограф с “Гидронавта” Яглов, а ты кто?*». Тот гордо сказал: «*А я – капитан дальнего плавания такой-то!*». На что последовала реплика под громовой хохот: «*Н-не-а, ты не капитан, ты – хорек!*». Грубо, но точно, так как тот в этот момент действительно был похож на оскаленного злобного хорька. Перед заходом в Севастополь я заметил, что у части команды над кроватями поменялись фотографии – дальневосточных пассий сменили семейные фото севастопольских членов семейств! Как выразился один штурман – у нас «*любовь от Босфора дальневосточного до Босфора черноморского – жизнь есть жизнь!*». По окончании этого долгого рейса один из ихтиологов послал своей жене радиogramму о его скором прибытии, подписав ее «*Самец три, желудок ноль, остатки брэнди*⁴⁷» – шутка для знатоков, однако! Но смешные истории происходили не только на наших судах, но и на академических. Забавную историю рассказали мне в Институте биологии моря о том, как жена, ожидавшая мужа из рейса, находясь в морском заповеднике на острове Большой Пелис, послала ему радиogramму: «*Сижу на Большом Пелисе, встретить тебя не могу*». Но телеграфистка решила, что тут явная ошибка, и в названии острова «л» поменяла на «н». Муж, конечно, был очень впечатлен! Интересно, что иногда человек запоминается благодаря всего одной фразе. Помню, например, молодого ученого из ИБМ, с которым мы встречались пару раз на конференциях. Он запомнился мне фразой: «*Ваши первые впечатления?*», которую он произнес, когда один из ученых – участников застолья после окончания конференции

⁴⁶ Я о нем уже говорил – последняя его книга под названием: «Погружение разрешаю» вышла – рекомендую!

⁴⁷ Ихтиологические термины, «въевшиеся» в лексикон за многомесячный рейс намертво.

ударился босой ногой о ножку стола и шипел себе под нос что-то явно матерное, не осмелившись выразиться при дамах⁴⁸!

В 1983 году я начал готовиться в рейс во Вьетнам на севастопольском судне с подводным аппаратом, как делал это не раз в северных морях. Было уже подготовлено рейсовое задание, судно стояло на рейде Владивостока. Но «человек предполагает, а Бог располагает». Произошло событие, нарушившее все мои планы. Нашим истребителем был сбит южнокорейский «Боинг», который упал у южной оконечности острова Сахалин. И наше судно с подводным аппаратом было послано на поиски в район катастрофы. Я не пошел в этот рейс, науки там не было, хотя опыт был бы, без сомнения, уникальный. Ребята, участвовавшие в рейсе, рассказывали потом, что видели на дне останки погибших людей и обломки самолета, в воде – плавающие стодолларовые бумажки. Много позже удалось узнать более или менее правдоподобную версию этого инцидента – и стало ясно, сколько цинизма и пренебрежения человеческими жизнями было проявлено с обеих сторон⁴⁹.

После развала СССР и закрытия Базы «Гидронавт» уникальные материалы, на сбор которых потрачены сотни тысяч, если не миллионы долларов, были частью утрачены, частью сохранены бывшими гидронавтами, которые при сожжении их «самостийниками» выхватывали тома отчетов и протоколов погружений из огня, разожженного на дворе Базы в Севастополе! У меня есть мечта собрать эти материалы и продолжить исследования. И на мой взгляд, рано отказываться от обитаемых ПА, особенно для разведки ресурсов на шельфе и материковом склоне (про военные аппараты я не говорю). По моему убеждению, подводные роботы не могут полностью их заменить. Я уже не говорю о возможности развития подводного туризма с помощью ПА. И их применения для довольно неожиданных задач, которые не сразу приходят в голову. Например, когда прекратила свое существование База «Гидронавт», японско-вьетнамская компания подрядила «ТИНРО-2» добывать глубоководные кораллы во Вьетнаме для производства ювелирных украшений (фото 15). Что, на мой взгляд, является не лучшим способом использования подводной техники ввиду редкости этих кораллов и их важной роли в функционировании глубоководных экосистем. Но тут уж – «кто платит, тот и заказывает музыку», а вьетнамское природоохранное законодательство, по-видимому, такого рода деятельность, увы, не регулирует. По крайней мере, компания подверглась преследованию отнюдь не за это, а за финансовые нарушения, и в 2014 году часть ее руководства вьетнамским судом были приговорены к пожизненному заключению, а один из руководителей – к смертной казни! О дальнейшей судьбе ПА «ТИНРО-2» мне ничего не известно...

Рейсы на судах базы «Гидронавт» в 1990 году на Дальнем Востоке, к сожалению, закончились. Начался новый этап – работа на иностранных судах, работающих в нашей зоне. Нашу группу в составе начальника Охотскрыбвода Аскольда Пынько (его именем впоследствии назвали пограничный катер-сторожевик) и нескольких ученых ТИНРО отправили в Петропавловск для посадки на борт американских краболовов. По прибытии на Камчатку нам сообщили, что американские корабли в Петропавловск не пустили, и нам нужно лететь в Провидение, на Чукотку, где они нас и заберут. В Провидении нам пришлось отослать все советские деньги домой, таковы были тогдашние правила. Еще одно дурацкое правило – на каждый выезд за границу нужно было получать отдельное разрешение представительства МИД на Дальнем Востоке, расположенного в Находке. И когда я уже стоял на палубе катера, который должен был нас доставить на борт американского судна, прапорщик, державший мой паспорт, ехидно улыбаясь, сказал: «А вы знаете, что вы не можете проследовать для посадки на иностранное судно, так как ваше разрешение на выезд погашено вашей поездкой в Канаду, и вам нужно ехать в Находку, в представительство МИД – ставить новое разрешение в паспорт?». И я

⁴⁸ Парень позднее погиб при странных обстоятельствах, когда занялся бизнесом.

⁴⁹ Кстати, это был не первый корейский Боинг, сбитый нашими ВВС, у аналогичный инцидент произошел в Карелии.

остался в Провидении на берегу один, без денег, без обратного билета, в условиях нелетной погоды. Пришлось провести там почти две недели, питаюсь чем придется. Но сдружившись с двумя магаданцами, ждавшими, как и я, самолета, я перехватил у них денег на билет и, добравшись до Магадана, заняв у коллег из Магаданского отделения ТИНРО, отдал им долг. Вернувшись во Владивосток, сел за научные статьи и отчеты. Но тут у меня появилась возможность реабилитироваться в своих глазах. Когда я уже дописывал годовой отчет, к нам в лабораторию вбежал специалист по палтусу – Леонид Кодолов и сказал, что ему нужен напарник, знающий английский язык, на американское судно-ярусолов, работающее по совместной программе. Судно называлось романтически – «Alaska Mist», ну как я мог отказаться! Мы улетели в Петропавловск-Камчатский, где не обошлось без новых приключений. Так как такси тогда было найти проблематично, меня, на одолженном у приятеля «Запорожце», ждал мой товарищ, «летнаб»⁵⁰ Костя Непомнящий, который в КамчатНИРО занимался учетом с вертолета заходящего в реки лосося (мы как-то до этого уже летали с ним на учет – никогда меня в море так не укачивало, как во время резких зигзагов вертолета вдоль извилистых лососевых рек!). На Камчатке раньше, ввиду того, что такси не хватало, местные компании старались охватить как можно больше клиентов за раз, поэтому, даже когда ты опаздываешь на самолет, такси может по заявке опоздать на 30 минут и больше. И диспетчер будет рассказывать встревоженному пассажиру, что водитель «проколол колесо», что его задержали гаишники, и прочие байки. До тех пор, пока до этого пассажира не дойдет очередь отвезти его куда надо. Но зато потом тебя везут «со свистом по ухабам», и ты практически гарантированно успеваешь на свой самолет! Поэтому – лучше всего иметь «свои колеса»! Естественно, дома у него нас ждал ужин, с большим количеством копченого лосося и соленой красной икры. Мы торопились, и на нашем «Запорожце» сделали лихой разворот и в кромешной тьме въехали в грязь⁵¹. Пришлось выйти и выталкивать «украинский броневик».

И тут я почувствовал, что моя нога проваливается в пустоту – в открытый канализационный люк! Нога распухла моментально. Я решил – растяжение и к врачу не пошел, тем более, что утром нам нужно было лететь в поселок Корф в Корякском округе вместе с российской частью палубной команды и обработчиков и коллегой из ТИНРО. По прилете в Корф меня через залив отвезли на катере-буксире в местную больницу и сделали рентген распухшей лодыжки – оказалась трещина в кости. Ну что было делать? Я был единственный англоговорящий среди двадцати человек! Нogu загипсовали, и меня, как Юрия Никулина в популярной комедии «Бриллиантовая рука», судовым краном доставили на борт. Откуда-то взялся капитан-американец, который, увидев меня, сразу сбегал за костылем. С этим парнем, по имени Марк Доуни, обладавшим гремучей смесью итальянской и ирландской крови, мы крепко подружились, так как он поселил «болезного» в своей двухкомнатной каюте. В отличие от многих виденных мной капитанов, этот работал в две смены – стоял вахту как штурман, а потом шел насаживать вручную наживку – кальмара на крючки⁵²

⁵⁰ Летный наблюдатель, он потом переехал в Ростов, где погиб, вступив в неравную схватку с местными милиционерами.

⁵¹ Сразу вспомнились мой родной Кисловодск и Севастополь, где цветы на клумбах пересаживали почти каждый день и телефонные будки мыли с мылом.

⁵² Ведь палтуса и треску мы ловили ярусом – канатом, так называемой хребтиной, с отходящими от нее тонкими прочными веревками – поводцами с большими крючками на концах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.